
Лина Деева
Чудесный сад
жены-попаданки

Лина Деева
Чудесный сад жены-попаданки

https://litres.ru/74698274

Аннотация

КНИГА ВЫШЛА В БУМАГЕ

Сразу после договорной свадьбы муж-изменщик дарит крохотное имение в провинции и отправляет туда в ссылку? Да это лучшая новость за сегодня! Избавлю имение от долгов, организую цветочный бизнес, раскрою тайну нелюдимого соседа, считающего подаренные мне земли своими. Ведь я уже не «мышка» Мэриан Броуди. Я – попаданка в её теле!

БЕСТСЕЛЛЕР ЛИТНЕТ Текст прошёл профессиональную корректуру Иллюстрации профессионального художника Доступна аудио-версия в озвучке профессионального чтеца Литнета

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	77
Глава 12	83
Глава 13	90
Глава 14	95
Глава 15	101
Глава 16	108
Глава 17	113
Глава 18	120
Глава 19	128
Глава 20	135
Глава 21	140
Глава 22	148
Глава 23	156

Глава 24 165
Глава 25 171
Глава 26 177
Глава 27 183
Глава 28 190
Глава 29 197
Глава 30 205
Конец ознакомительного фрагмента. 207

Глава 1

— Мэриан. Я долго думал над сложившейся ситуацией и пришёл к неутешительному выводу. Вы не годитесь для выполнения обязанностей леди Каннингем— надеюсь, мне не придётся объяснять почему.

Пауза в речи лорда Каннингема, за которого Мэриан Броуди (то есть уже меня) выдали замуж всего неделю назад, была достаточной, чтобы вклиниться с гневным «Нет, объясните!». Однако я промолчала, храня полностью равнодушный вид, хотя мысленно потирала руки.

Неужели сработало?

— Вчерашний приём, — пускай Каннингем не получил ожидаемую реплику, высказаться ему всё-таки хотелось, — прошёл просто отвратительно. Сначала вы безосновательно отказали всем приглашавшим вас на танец кавалерам и надерзили лорду Фортескью. А затем вообще проболтали остаток вечера с каким-то деревенщиной…

С Генри Троттхеймом — кстати, очень приятным и умным молодым человеком. Который, в отличие от прочих «высокородных лордов», смотрел собеседнице в лицо, а не в декольте. Что поделать, провинциальное воспитание.

— …которого притащил ваш отец. В то время как осталь-

ные гости были обделены вниманием. Подобное недопустимо для хозяйки дома, и мне странно, что я должен рассказывать вам об этом.

Я с невинным видом хлопнула ресницами.

— Простите, но я всего лишь брала с вас пример. Вы столько времени уделили общению с Лаурой Хэмптон. — Я сознательно не стала называть её леди. — Да ещё и в приватной обстановке… Я решила, что ваши гости привыкли к такому и не обидятся.

Каннингем подавился воздухом, и я почувствовала злорадство. Так тебе, гад! Думал, покорную овечку покупаешь? Которая будет молча сносить твоё хамское отношение и шашни за жениной спиной? Выкуси — меня получил. А я, в отличие от «Мышки Мэриан», себя в обиду никому не дам.

Даже высокородному лорду Каннингему.

— Кхм. — Собеседник наконец справился с ударом. — Как бы то ни было, Мэриан, я принял решение отправить вас в Хайланд, где у меня есть небольшое имение, Колдшир. Я перепишу на вас документы, чтобы вы чувствовали себя независимо…

Да ладно? И где же, хотела бы я знать, подвох?

— …а соответствующее письмо управляющему уже отправлено. Вам же хватит времени до завтра, чтобы собраться?

Вот так, значит? Не терпится избавиться от неудобной жёнушки?

Впрочем, это было у нас взаимно.

— Более чем. — Я поднялась с предназначенного для посетителей стула. — С вашего разрешения, пойду этим заниматься.

— Да, разумеется. — Каннингем милостиво махнул рукой. — Ступайте.

Я вышла из кабинета, с прямой спиной и полным достоинства шагом, хотя больше всего мне хотелось подпрыгнуть на месте и заорать: «Йех-ху! Получилось!»

Ну, как получилось. В идеале я бы предпочла развод, пусть даже по итогу осталась бы с «домиком в деревне» и ста золотыми годового дохода, положенными младшей дочери эсквайра Броуди от отцовского наследства. Память и знания Мэриан подсказывали, что это очень мало, но я делала скид-

ку: мало — в понимании аристократки. А для простого народа даже сотня в год была хорошим подспорьем. И потом, я бы не сидела сложа руки. Придумала какой-нибудь дополнительный источник дохода — всё-таки с шестнадцати лет работала и подрабатывала, где и как могла.

Но увы. Чтобы вынудить Каннингема на развод, требовалось нечто большее, чем «пренебрежение гостями», еженощно запертая дверь супружеской спальни и незабываемая для нас обоих первая брачная ночь.

Причём незабываемая отнюдь не в том смысле, какой обычно вкладывают в это словосочетание.

***

Последнее, что я помнила из только своего прошлого, — это невыносимую жару, раскалённый асфальт проезжей части и искристую струю воды из шланга, которой я поливала высаженные на разделительном газоне цветы. А, и ещё крик: «Машина! Берегись!» Потом, кажется, был удар. Темнота. И…

Полумрак, нежный запах роз, воздушный газ ночной сорочки. Мужская ладонь на груди, бархатный шёпот на ухо: «Моя дорогая, не нужно бояться». Горячее, сильное тело, шёлковые простыни… И тут до моего растерянного сознания дошло, что со мной собираются сделать.

Причём абсолютно левый мужик.

«Слезь с меня, козёл!»

Так я хотела крикнуть, однако с губ сорвалось злое:

— Слезьте с меня немедленно!

А вот сделать резкий удар ладонями мерзавцу по ушам ничего не помешало. Не ожидавший такого мужик взвыл, а я, пользуясь моментом, ужом выскользнула из-под него. Скатилась с кровати на пол и цапнула стоявшую на тумбочке вазу с цветами. Вода и розы полетели мужику в лицо, бахнутая о тумбочку ваза эффектно разбилась, и я угрожающе выставила перед собой щерящееся острыми краями горлышко.

— Не подходите!

— Мэриан…

Мужик был реально растерян, и я со всей возможной агрессией приказала:

— Убирайтесь отсюда! Быстро, ну!

— Мэриан, вы в своём уме? — Через растерянность в голосе незнакомца пробилось раздражение. — Вы моя жена, сегодня наша первая брачная ночь!

«Да насрать!» — хотела рявкнуть я. И на чужое имя, которым он меня назвал, и на заявление о нашем браке. Я за него точно замуж не выходила, а значит, спать с ним не собираюсь.

— Пойдите вон! Или… — Я на мгновение задумалась, чем ему пригрозить. — Или я себя покалечу!

И приставила разбитое горлышко к шее. Да так неудачно, что поцарапалась острым краем, и по коже потекла тёплая струйка.

Естественно, это был блеф. Но что ещё я могла? Справиться с ним, даже имея в руках подобие оружия, у меня бы не вышло. Незнакомец был раздет до пояса, и рельеф мускулов у него был, будто он пять раз в неделю таскает железо в качалке.

К счастью, моя угроза — или кровь на шее — произвела нужное впечатление.

— Хорошо, хорошо. — Мужик выставил перед собой раскрытые ладони. — Я вас оставлю. Обсудим всё завтра утром.

Он медленно поднялся с кровати, и я предупредила:

— Без резких движений.

Мужик кивнул, с аккуратностью сапёра на задании поднял с пола рубашку и ретировался к двери, не выпуская меня из поля зрения.

— Доброй ночи, Мэриан.

Фраза прозвучала как издевательство, хотя тон был совершенно нейтральным. По-прежнему не поворачиваясь ко мне спиной, незнакомец открыл дверь и вышел в слабо освещённый коридор. Щёлкнула собачка замка, но я всё равно выждала несколько секунд и лишь тогда опустила руку. На цыпочках подбежала к двери, прислушалась: вроде тихо — и прижалась к ней спиной. Метнулась по комнате взглядом: чем бы забаррикадироваться? И не придумала ничего лучше, как придвинуть две прикроватные тумбочки. Достаточно тяжёлые, кстати — не будь я в лютом стрессе, ни за что бы не сделала это с такой скоростью.

А затем, убедившись, что враг если и пройдёт, то прежде как следует пошумит, я на дрожащих ногах подошла к кровати и без сил опустилась на неё.

Господи, что это вообще было сейчас?

Что со мной случилось?

Где я?

Кто я?

Глава 2

Собирать вещи, когда в твоём распоряжении три горничные, гораздо проще, чем заниматься этим самой. Пожалуй, можно было бы вообще махнуть рукой на гардеробную со словами: «Сделайте с этим что-нибудь, мне завтра в дорогу». Однако поступить так мне не позволила совесть: всё-таки я, в отличие от Мэриан, не была аристократкой. И потому, когда на пороге моих апартаментов возникла монументальная фигура экономки, из-за спины которой выглядывали три девушки, я милостиво разрешила:

— Можете идти, Грейс. У вас, должно быть, много дел и помимо моих сборов.

— Благодарствую за заботу, леди Мэриан, — медовым баском начала экономка. — Но не извольте беспокоиться. Я послежу за девочками…

— Ступайте, Грейс. — Я добавила в голос колотого льда. — Я сама присмотрю за сборами.

Ослушаться прямого приказа экономка не могла: как-никак я была женой хозяина дома, и на людях Каннингем пока ещё делал вид, что моё слово чего-то стоит. Поэтому, сде-

лав книксен, Грейс удалилась, а я, почувствовав себя гораздо свободнее, разделила между горничными зоны ответственности, и мы приступили к сборам.

Антипатия к Грейс у меня возникла буквально с первого взгляда. А уж когда экономка попыталась ненавязчиво «построить» молоденькую «леди Мэриан», это чувство переросло в откровенную неприязнь. К несчастью для Грейс, «строить» меня не получалось даже у директрисы нашей школы в далёкие девяностые. Здесь же вдобавок я чётко помнила, кто из нас «начальник», а кто «балбес». Однако пересекаться с неприятной тёткой всё равно старалась пореже, памятуя: не тронешь — вонять не будет. И искренне радовалась, что настоящей Мэриан, где бы она сейчас ни была, не пришлось со всем этим столкнуться.

Затюкали бы девочку.

***

У меня была всего ночь, чтобы пройти степени отрицания и смириться. Да, возможно, это было галлюцинацией. Возможно, я сейчас овощем лежала в коме, а мозг выдумывал историю о девушке-аристократке из другого мира, против воли отданной замуж за знатного лорда. Но царапину на шее саднило очень натурально, да и в целом всё вокруг выглядело пугающе реальным. Так что мне оставалось лишь принять правила игры и постараться как-то продержать-

ся до того момента, покуда моё тело очнётся.

Или просто выжить в новом, незнакомом мире.

Утро застало меня бессонно глядящейся в высокое зеркало туалетного столика. Мэриан Броуди — имя и другие подробности всплывали в памяти, как ссылки в поисковике, — была изящной пепельной блондинкой с огромными, прозрачно-серыми глазами. Её брови разлетались от переносицы взмахом крыльев испуганной птицы, а чернейшей опушке ресниц позавидовала бы любая модель из рекламы туши. Лицо сердечком, аккуратный носик, маленький, нежный рот. Тепличный цветок, по решению родителей отданный в чужие, равнодушные руки.

— Бел-лые розы, бел-лые розы, беззащитны шипы, — пропела я себе под нос и насмешливо скривила губы. Ужасно неподходящее выражение для Мэриан, зато полностью соответствовавшее тётке в два раза её старше и повидавшей столько, что многое хотелось развидеть.

— Ладно. Будем делать добро из зла, вариантов всё равно нет.

И прежде всего надо было разобраться с вопросом супружеских обязанностей. Новоиспечённый муж Мэриан («Лорд

Александр Каннингем», — шепнула не моя память) ну да, Каннингем, хоть и не был обделён природой в плане внешности, однако спать с ним я не собиралась категорически. Что поделать: несмотря на давно не юношеский возраст, я придерживалась позиции «ни поцелуя без любви». И, должно быть, именно поэтому была одинока.

— Вряд ли он станет меня насиловать.

Здесь память Мэриан ничего не могла подсказать: в приличном обществе подобное не обсуждалось. А если какие-то кумушки и судачили на такие темы, делали они это так, чтобы ни единый звук не долетел до невинных девичьих ушей.

— Но, — я втянула носом воздух и постаралась придать лицу максимально решительное выражение, — щеколда на двери мне всё же понадобится.

Душу тронуло предчувствие неминуемого шока, в котором будут все — от лорда до мальчика на побегушках, и я задумчиво сузила глаза.

Может, сблефовать ещё раз?

***

— Леди Мэриан?

— Да, Джейн. — Я вынырнула из воспоминаний и наконец положила в дорожный саквояж неразрезанную книгу, которую собиралась читать в пути. — Ты что-то хотела?

— Ага. — Пухленькая, розовощёкая горничная вроде бы совсем недавно поступила в услужение и ещё не успела проникнуться духом строжайшей субординации. — Можно вас спросить?

Мне захотелось возвести очи горе, однако я сдержалась и разрешила:

— Спрашивай.

— А вы, это, далеко уезжаете-то?

Остальные горничные, делавшие вид, что ужасно заняты укладыванием бального платья в сундук, тоже навострили уши.

— В Колдшир. — Я не видела смысла что-то скрывать. — Это в Хайланде.

Платье с тихим шелестом выпало из двух пар одновременно выпустивших его рук.

— Да вы что, госпожа! — Джейн прижала ладони к щекам, с которых сбежал всегдашний румянец. — Ох, бедная, бедная леди Мэриан!

Глава 3

Я наморщила лоб. Мэриан ничего не знала о Колдшире, да и о Хайланде имела весьма смутное представление. Северо-запад королевства, море, леса, горы. Климат не самый мягкий, но и не Норильск какой-нибудь. Так почему бедная?

— Почему бедная? — вслух повторила я, и горничные синхронно распахнули глаза в изумлении от вопроса, ответ на который был им очевиден.

— Это же самые задворки королевства! — выпалила Джейн. — Медвежий угол!

— И вокруг сплошные дикари и разбойники, — подхватила другая служанка. — Один Безликий Родди чего стоит! — И, для пущей жути понизив голос, добавила: — А как они относятся к женщинам — просто кошмар!

— И ещё тепла там от силы три месяца в году, — внесла свою лепту третья горничная. После чего резюмировала: — Хуже места для благородной леди и не придумаешь, точно вам говорю.

С последним я могла бы поспорить. Двух недель в столи-

це мне за глаза хватило, чтобы убедиться: худшее место для благородной леди, не обладающей акульей хваткой и пристрастием к сплетням и интригам, именно здесь. С дикарями и разбойниками хотя бы всё понятно сразу, в отличие от столичного высшего общества.

Однако высказывать своё мнение я, естественно, не стала, отделавшись пожатием плеч.

— Такова воля лорда Каннингема. — И вернулась к сборам, подав горничным знак, что делу время, а пустопорожней болтовне час.

И тем не менее оставила в уме зарубку: до отъезда расспросить Бэрридона об этом Колдшире поподробнее.

Бэрридон, которого я всё порывалась назвать Бэррибором, как и персонаж Конан Дойля, служил в особняке дворецким. И отношения у меня с ним были не в пример лучше, чем с Грейс.

А началось всё с достопамятной щеколды.

***

Благодаря чужой памяти я знала: с интересующим меня вопросом надо обращаться к дворецкому. Так что в первых утренних лучах кое-как отодвинула тумбочки от две-

ри и, пока ждала приличного времени для вызова прислуги, более или менее обдумала план дальнейших действий. А когда солнце поднялось достаточно высоко, не без замирания сердца начала с пункта один — позвонила в колокольчик.

Сказать, что горничная удивилась полуразобранной баррикаде, значит, ничего не сказать. Это настолько явственно прозвучало в её «Доброе утро, леди Мэриан», что я поспешила перехватить инициативу в разговоре до того, как девица задаст прямой вопрос.

— Доброе. Как тебя зовут?

Горничная хлопнула глазами и пролепетала:

— Эми, госпожа.

— Прекрасно, Эми. — Я хотела верить, что небрежность в моём голосе не звучит совсем уж фальшиво. — Когда закончишь помогать мне одеваться, позовёшь мужчин. Пусть вернут мебель на место.

— Д-да, госпожа. — Эми запнулась, но успела сообразить, что тему развивать не стоит. — Какое платье желаете надеть, госпожа?

Элементарнейший вопрос поставил меня в тупик. Строя свои многоходовки, я и на секунду не задумывалась, в каком наряде буду их совершать.

— Э-э… — Перед глазами пронеслась вереница платьев, пошитых для Мэриан Броуди специально к свадьбе. — Принеси серебристо-серое с аланжуйскими кружевами.

Что за Аланжуй и почему кружева именно оттуда, я понятия не имела. Фраза просто соскочила у меня с языка и, к счастью, подошла к ситуации.

Горничная принесла строгое платье из тяжёлого шёлка. Украшавшие его кружева и впрямь были искусного плетения, а цвет придал глазам Мэриан — то есть моим — пасмурный оттенок. «Нормально», — решила я и, чтобы дополнить образ, попросила Эми собрать мне волосы в гладкий пучок. Очень удобно, кстати: сама я большую часть сознательной жизни носила короткую стрижку и вряд ли сумела бы изобразить что-то сложнее конского хвоста или косы.

Но вот с подготовкой было закончено, и сердце опять нервно затрепыхалось. «Привыкай», — хмуро «ободрила» я его и поинтересовалась у горничной:

— Эми, как зовут вашего дворецкого?

— Господин Бэрридон, — охотно ответила та.

— Отлично. Проводи меня к нему.

Горничная бросила растерянный взгляд на тумбочки, и я терпеливо уточнила:

— А потом уже позовёшь мужчин, которые займутся мебелью.

Чёткий план успокоил Эми, и она присела в реверансе:

— Слушаюсь, леди Мэриан. Прошу вас, следуйте за мной.

Бэрридон был невысок, сухощав и носил подкрученные вверх усики, чем, вкупе с залысинами и тёмными прилизанными волосами, вызвал у меня ассоциацию с похудевшим Эркюлем Пуаро. Позже, когда я познакомилась с Грейс, мне вообще стало казаться, что экономку и дворецкого подбирали по принципу максимальных антиподов. Что по внешности, что по характеру.

— Щеколда на двери спальни?

На несколько секунд Бэрридон забыл о приличествующей

дворецкому невозмутимости и округлил глаза.

— Да, — недрогнувшим голосом подтвердила я. — Иначе мне придётся каждый вечер двигать тумбочки.

Бэрридон прочистил горло.

— Леди Мэриан, я приношу глубочайшие извинения за дерзость, но зачем вам запираться?

Я ответила многозначительным молчанием. Дворецкий снова кашлянул и лишённым даже намёка на эмоции голосом произнёс:

— Боюсь, я не смогу выполнить ваше указание, леди Мэриан.

Что же, я и не рассчитывала на другой ответ. В конце концов, зарплату, то есть жалование, ему платил Каннингем.

— Бэрридон. — Я смотрела дворецкому чётко в глаза. — Вы знаете, почему я стала супругой вашего хозяина?

Собеседнику хватило совести отвести взгляд.

— Да, госпожа.

— Как вы считаете, я не права, желая оставить себе хоть что-то в этом браке?

Теперь настала очередь дворецкого держать паузу.

— И потом, — продолжила я, добавив в голос многозначительности, — я не прошу поставить щеколду. Я прошу начать её ставить.

Бэрридон поднял на меня глаза. Секунд пять мы играли в гляделки, а затем дворецкий медленно произнёс:

— Однако я обязан доложить лорду Каннингему.

— Не спорю, — кивнула я. — Пока мастер без суеты займётся подготовкой, вы сообщите обо всём лорду.

Очередная пауза — я чувствовала, как весь мой план балансирует на лезвии бритвы.

— Хорошо, леди Мэриан. — Дворецкий наконец наклонил голову. — Ваше распоряжение будет исполнено.

Глава 4

За мной пришли ещё до завтрака, когда я нервно мерила шагами садовые дорожки, посыпанные мелким белым гравием.

— Леди Мэриан, лорд Каннингем просил вас зайти к нему.

«Наконец-то!» — выдохнула я и, расправив плечи, милостиво кивнула пришедшему за мной слуге:

— Хорошо. Проводи меня.

Потому что где этот кабинет, я понятия не имела, а плутать по трёхэтажному особняку, построенному в ампирном стиле и с имперским размахом, желания не было. Я и выход в сад не скоро бы нашла, если бы Бэрридон не подсказал, куда идти.

По широким коридорам и мраморным лестницам слуга привёл меня к массивной палисандровой двери. Поклонился: «С вашего разрешения, леди Мэриан» — и оставил наедине с полированным деревом.

Надо было стучать.

Я поправила причёску. Одёрнула платье. Выпрямила спину и согнала с лица все намёки на эмоции. А потом, не давая себе струсить, отрывисто стукнула по двери и вошла, не дожидаясь ответа.

В конце концов, меня ждут или как?

— Мэриан.

Мягкий утренний свет ничуть не смягчал гранитные, но, надо отдать должное, аристократически правильные черты Каннингема.

«Красивый всё-таки мужик, — отстранённо подумала я, рассматривая собеседника с интересом искусствоведа. — Жалко, что козёл».

— Что это вы придумали?

Он был недоволен и не пытался этого скрыть.

— Доброе утро, лорд Каннингем. — Я долго решала, как стану к нему обращаться, и остановилась на том, что правильнее всего будет подчёркивать дистанцию. — Не понимаю, о чём вы.

Собеседник нахмурился Юпитером-громовержцем.

— Не притворяйтесь. О щеколде на двери вашей спальне. И кстати, я отменил это идиотское распоряжение.

Полностью предсказуемо.

— Что же… — Мне самой понравилась толика беспечности, проскользнувшая в моём голосе. — Значит, буду каждый вечер двигать тумбочки. Или, — я вежливо приподняла брови, — вы прикажете прибить их к полу?

Если бы взгляд был материален, меня бы пригвоздило к стене, как бабочку булавкой. Однако тон у Каннингема был идеально ровным.

— Хочу вам напомнить, что вы моя жена.

— И поэтому вы готовы взять своё даже силой?

Ох, как трудно было не опустить глаза! И всё-таки я выдержала.

— Для юной леди вы чересчур дерзки, — наконец процедил Каннингем.

Я слегка повела плечами.

— Вам следовало лучше узнать, кого берёте в жёны.

— Я и узнавал, — проронил собеседник. — Все, с кем я общался, в голос утверждали, что леди Мэриан — благовоспитаннейшая из девиц.

«И поэтому ты без раздумий простил будущему тестю карточный долг в пять сотен золотых, взамен попросив всего лишь руку его младшей дочери», — мысленно оскалилась я. Сколько бы раз мне ни вспоминалась предыстория замужества Мэриан, бомбило от неё как в первый.

Вслух, однако, я говорить ничего не стала: следовало сбавить обороты. Вряд ли меня обвинили бы в самозванстве, но создавать себе лишние проблемы было глупо. Так что я просто стояла, словно высеченная из мрамора статуя, и смотрела собеседнику в лицо, ожидая его решения.

И чем дольше длилась пауза, тем мрачнее становился Каннингем.

— Никаких щеколд или тумбочек, — наконец уронил он. — Я даю слово чести, что не прикоснусь к вам без вашего

разрешения. Это вас устроит?

У меня в груди неровно дёрнулось сердце: неужели расчёт на мужскую гордость оправдался? Но я тут же прикрикнула на себя: не расслабляйся! — и с достоинством кивнула:

— Вполне.

Ещё несколько секунд Каннингем пристально меня изучал, после чего безэмоционально заметил:

— Что же, пусть будет так. А теперь, — он сделал приглашающий жест, — идёмте завтракать. Стол должен быть давно накрыт.

Сказать по правде, я бы предпочла куда-нибудь сбежать, чтобы без посторонних глаз выдохнуть и немного прийти в себя после пережитого дичайшего напряжения. Однако выбора у меня не было.

— Хорошо, — в тон собеседнику ответила я.

И, из принципа дождавшись, когда передо мной откроют дверь, выплыла в коридор.

***

Бэрридона я нашла в парадной столовой, где он стоял пе-

ред буфетом и методично начищал столовое серебро. Когда я вошла, дворецкий как раз закончил критически рассматривать двузубую вилку и взялся снова её полировать кусочком замши. Однако, заметив меня, без промедления сложил всё на покрытый накрахмаленной скатертью стол и поклонился:

— Доброго дня, леди Мэриан.

— Доброго, — отозвалась я. И вздохнула: — Наверное.

Дворецкий наклонил голову к плечу.

— Мне сообщили, вы нас покидаете?

Я кивнула.

— Лорд Каннингем отправляет меня в Хайланд и дарит там поместье Колдшир.

Не следи я за собеседником так внимательно, не заметила бы скользнувшее по его лицу облачко.

Однако высказался Бэрридон вполне дежурно:

— Тогда гладкой вам дороги, леди Мэриан. — И уже от себя добавил: — Жаль, что вам не довелось пожить в столице

подольше.

— Вовсе нет, Бэрридон. — Ему-то я могла возразить. — Ни чуточки не жаль.

Дворецкий едва заметно покачал головой, а я продолжила:

— Но я хотела у вас спросить: вы что-нибудь знаете об этом Колдшире? Потому что мне его название ни о чём не говорит.

Бэрридон собрал высокий лоб складками.

— К сожалению, я немного могу рассказать. Вроде бы Колдшир находится на побережье, и поместье не очень большое — всего-то с пяток арендаторов. Лорд Каннингем получил его недавно, почти перед вашей свадьбой.

— Получил? — Почему-то мне казалось, что это важно.

Дворецкий на всякий случай оглянулся и, понизив голос, пояснил:

— Точнее, выиграл в карты у лорда Беккета.

Глава 5

О том, что Каннингем — игрок, и игрок опасный, знала даже провинциалка Мэриан. Поэтому для меня до сих пор оставалось загадкой, на что рассчитывал её родитель, садясь за карточный стол с высокородным лордом. Из обрывков разговоров и смутных намёков, которые довелось услышать уже мне, складывалась картина, что Каннингем не гнушался шулерством, а обвинений избегал не столько из-за страха перед своей знатностью, сколько благодаря репутации отличного стрелка. Конечно, дуэли были запрещены королевским указом, но когда и кого это останавливало? Так что проигравшие лорду предпочитали утереться и заплатить и, надеюсь, зарекались играть с ним в карты.

Как зарёкся папенька Мэриан — к несчастью для его дочери, слишком поздно.

***

— Дочь, нам нужно серьёзно поговорить.

Хьюго Броуди, эсквайр, нервно вытер платком обширную лысину. Его младшая дочь Мэриан, и без того напряжённо сидевшая на самом краешке стула, вообще замерла, как птичка перед змеёй.

— Вчера я имел честь быть введённым в Дубовый клуб. — Несмотря на то что это, видимо, был повод для гордости, сэр Хьюго сцепил короткие, пухлые пальцы до побелевших костяшек. — В него входят самые сливки общества, я пятнадцать лет искал возможность попасть хотя бы в список рекомендаций, и вот весной мне повезло. Старина Экхройт уговорил лордов Дестини и Хэмптона поручиться…

Сэр Хьюго понял, что тараторит, как заморская птица папагал, и оборвал сам себя.

Мэриан по-прежнему молчала.

— Дочь, поверь, это должна была стать коротенькая партия в вист. С символическими ставками. Но потом в клуб приехал лорд Каннингем…

Мэриан почти перестала дышать.

— …и я не мог отказать. Пойми, не мог!

Последняя фраза прозвучала с таким неподдельным отчаянием, что и без того бледная слушательница буквально посерела.

— Вы проиграли? — прошелестела она, и сэр Хьюго опу-

стил повинную голову.

— В пух и прах, — глухо признался он. — Я был должен лорду пять сотен золотых и ещё сотню его партнёру.

Нежный рот Мэриан сложился в изумлённое «О», и сэр Хьюго вновь заломил руки.

— У нас нет таких денег! — страдальчески провозгласил он. — Я смог бы расплатиться, только если бы продал Броуди-хаус! И тогда нам всем: мне, маме, твоим сёстрам пришлось бы переехать в какой-нибудь убогий домишко в деревне. И жить… Я не знаю, на что бы мы жили! Поэтому я не мог отказать лорду Каннингему, понимаешь? Просто не мог!

Казалось, Мэриан вот-вот упадёт в обморок.

— Отказать в чём?

Сэр Хьюго выдержал почти театральную паузу.

— Лорд Каннингем порвал мою долговую расписку, но взамен попросил твоей руки. Через три дня ты выйдешь замуж и станешь леди Мэриан Каннингем.

***

Вот так, в обход старшинства сестёр и всех возможных приличий с полугодичным сватовством, Мэриан очутилась замужем. Называется, приехала на свой первый сезон в столице.

Но вот зачем наш брак был нужен Каннингему, я совершенно не могла понять. Во-первых, это во многом мезальянс: высокородный лорд, по какой-то там линии королевский родственник, и дочка эсквайра из глубинки. Да Каннингем мог щёлкнуть пальцами — и куда более родовитые девицы выстроились бы в очередь к такому завидному жениху. Правда, тут их родня могла бы потребовать соблюдения всех положенных по этикету па-де-де, плюс сами девицы оказались бы зубастенькими — другие в столице не задерживались. Не то что провинциалочка Мэриан, даже в семье носившая прозвище Мышка.

Но если по поводу «во-первых» у меня ещё были предположения, то по поводу «во-вторых» я откровенно терялась. Ведь достаточно было познакомиться с лордом хотя бы шапочно, чтобы стало очевидно: жена ему нужна, как телеге — пятое колесо. И ничего удивительного, что, не прожив в браке и десяти дней, Каннингем решил сплавить её куда подальше.

Так зачем же он вообще женился, да ещё и в такой спеш-

ке?

«Может, спросить?»

Не счесть, сколько раз я задавалась этим вопросом, однако никак не могла набраться смелости. И сейчас, когда поднималась в кабинет Каннингема, чтобы подписать бумаги о владении Колдширом, снова подумала об этом.

В конце концов, что я потеряю?

***

Клонившееся к закату солнце наотмашь било в широкое окно кабинета.

— Прошу, садитесь. — В кои-то веки Каннингем указал мне на гостевой стул.

Я последовала приглашению и расслабленно сложила руки на коленях.

Нельзя было показывать, что внутри у меня каждая жилка под напряжением в двести двадцать: от этого человека я до сих пор в первую очередь ждала подвоха.

— Вот. — Каннингем, по обыкновению оставшийся стоять у стола, протянул мне лист плотной желтоватой бумаги.

— Поставьте подпись.

— С вашего позволения, я сначала прочитаю, — чопорно ответила я.

Каннингем оскорблённо поджал губы и процедил:

— Разумеется.

Странный человек. Он серьёзно думал, будто я стану подписывать кота в мешке?

Я мысленно покачала головой и погрузилась в расшифровку витиевато написанного текста.

Если понимание устной речи давалось мне без проблем, то с письменной частенько бывали затыки. Я могла читать печатные шрифты, например в книгах, но вот рукописные тексты понимала с пятого на десятое. А выяснилось это, когда я откопала среди вещей Мэриан её дневник и, про себя попросив у девушки прощения, попыталась прочесть хотя бы первые страницы. Измучилась страшно, однако основной смысл уловить смогла. А тут был юридический документ, понимать который требовалось до запятой. И потому я читала и вникала так долго, что Каннингем не выдержал.

— Вы пытаетесь разобрать, нет ли там потайных чернил? Можете не волноваться, мне такие уловки ни к чему.

Я поймала повисший на кончике языка колкий ответ и молча поставила под документом закорючку, которую можно было счесть подписью.

Вроде бы никаких подводных камней в тексте не было — просто декларация, что имение Колдшир вместе с такими-то земельными угодьями передаётся в собственность леди Мэриан Каннингем, урождённой Броуди.

— Ещё имя полностью, — с бюрократической дотошностью заметил лорд, и я послушно нацарапала требуемое.

— Отлично. — Собеседник присыпал чернила песком, стряхнул лишнее и отдал бумагу мне. — Храните её как зеницу ока, если не хотите очутиться без жилья и средств к существованию. Впрочем… — Он смерил меня нечитаемым взглядом. — Случись такое, я готов принять вас обратно. На моих условиях.

И отыграться за всё: начиная от истории с щеколдой и заканчивая позавчерашним приёмом.

«Не дождёшься», — мысленно сообщила я ему, аккуратно сворачивая лист в трубочку.

Поднялась со стула и, глядя Каннингему в лицо, решилась.

— Лорд Каннингем, мне давно интересно: зачем вы вообще взяли меня в жёны? Если брак для вас такая обуза.

Каннингем царственно приподнял подбородок.

— Мне стало жаль вашего отца. За один вечер пойти по миру — очень жестокий удар судьбы.

Я ухитрилась удержать на лице маску невозмутимости.

— Что же, ваша жертвенность делает вам честь. А теперь прошу меня извинить.

И удалилась из кабинета, унося, кроме документа, делавшего меня хозяйкой Колдшира, твёрдое знание: высокородный лорд врал, не моргнув глазом. Как самый распоследний из йоменов.

Глава 6

То, что из этого замужества надо всеми силами выгребать, я поняла ещё в первую брачную ночь, когда в подхватившем меня горном потоке чужих воспоминаний пришли видение полутёмного коридора — дико нервничавшей Мэриан понадобилось срочно «припудрить носик», и она, к своему стыду, заплутала в чужом особняке — и торопливый шёпот где-то совсем рядом.

— Лорд Каннингем, как вы смеете? — Для подлинного возмущения в женском голосе было слишком много кокетства. — Сначала женились на какой-то безвестной простушке, а теперь…

— Моя дорогая, драгоценная Лаура. — Голос мужчины буквально обволакивал бархатом. — Ну подумаешь, женился. Вы ведь тоже замужем, моя прелесть. И кому это мешает?

— Я не желаю делить вас с этой бесцветной мышью!

— Прекрасная, ну хватит дуться. Я весь ваш, был и буду, моё солнце. Не сердитесь, умоляю, для этого нет ни единого повода.

«Вот урод!» — зло подумала я в тот момент. И про себя решила: неважно, галлюцинация это, моё персональное посмертие или шуточка мироздания. Женой лорда Каннингема я не останусь. Всё-таки не на помойке себя нашла, чтобы у меня — да и у Мэриан — в мужьях было такое, кхм, гуано.

Но решить-то легко, а вот воплотить, особенно когда развод — нечто из ряда вон выходящее, миссия, кажущаяся невыполнимой. Потому я малодушно отложила разработку этого плана, благо пока передо мной стояла задача понасущнее: как оградить себя от выполнения супружеских обязанностей.

Но вот с притязаниями Каннингема на моё тело (хотя бы на какое-то время) было покончено. И я осталась один на один с глухой стеной: как добиться развода? Проблема ещё была в том, что о подобных случаях Мэриан знала исчезающе мало. Я обдумывала это так и этак, и в итоге решилась на рискованный шаг — поговорить с матерью Мэриан.

***

По сложившемуся у меня впечатлению от чужих воспоминаний, леди Джейн Броуди не была в восторге от свалившегося на голову родовитого зятя. Возможно, потому, что знала о его похождениях. Возможно, по какой-то иной причине. Однако в любом случае имело смысл прощупать здесь почву и, если повезёт, заручиться союзничеством.

— И куда это вы собрались?

После завтрака я без задней мысли велела запрячь ландо, проигнорировав бормотание слышавшей моё распоряжение Грейс: «А лорд Каннингем знает об этом?» В свою очередь, не дождавшаяся ответа противная тётка, решила донести о «самоуправстве» леди Мэриан. И когда я вышла к ожидавшему меня экипажу, то рядом с ландо увидела Каннингема. Его недовольство ощущалось морозом в летний день, отчего мне захотелось поёжиться.

— Навестить родителей.

Я твёрдо помнила, что благовоспитанные леди не посылают мужей (да и вообще кого бы то ни было) по известному адресу. Даже если очень хочется. И потому нацепила, как сумела, маску святой простоты: мол, а что такого-то?

— Прежде вам следовало сообщить об этом мне. — Температура каннингемовского тона упала ещё на пару градусов.

— Прошу прощения. — Я даже не попыталась сделать правдоподобным якобы раскаяние. И не удержала тончайшую подколку: — Не желаете ли поехать вместе? Уверена,

папенька и маменька будут рады вас видеть.

На лице Каннингема не дрогнул ни единый мускул. И тем не менее я могла бы поклясться, что про себя он поморщился.

Высокородный лорд не особенно любил новоиспечённых тестя и тёщу.

— К сожалению, у меня много дел. Поезжайте сами.

Если он задавался целью уязвить меня небрежностью тона, фокус не удался. Я, не скрываясь, просияла от радости:

— Тогда всего доброго, лорд Каннингем. — И поднялась в ландо.

Поудобнее устроилась на подушках и, не обращая более внимания на лорда, бросила кучеру:

— Клэмптон-стрит, семнадцать!

Копыта лошадей ударили по брусчатке парадной дорожки, рессоры тоненько скрипнули, и я поехала навстречу новому испытанию.

А Каннингем остался глотать поднятую колёсами пыль — жаль, что лишь фигурально.

***

— Мэриан, крошка! Как я рада!

Леди Джейн нежно прижала меня к необъятной груди, и в носу предательски запершило. Моя мама умерла от рака, когда мне было пятнадцать, и возможность снова почувствовать, что тебя любят просто так, без условий, стала бесценнейшим подарком.

— Но почему ты не предупредила? — Леди Джейн отстранилась, не подозревая о бушевавших в моей груди чувствах, и охнула: — Милая, да что с тобой? Ты плачешь?

— Нет. — Отчаянно смаргивая слёзы, я растянула губы в улыбке. — Всё в порядке. А где Кэти и Джорджи?

Лицо леди Джейн осветилось от гордости.

— Их позвала на прогулку сама леди Уайт. Большая честь, моя дорогая, и всё благодаря твоему замужеству.

В душе зашевелился червячок сомнения: неужели я напрасно рассчитывала на поддержку с этой стороны? Но

отступать было некуда, и я задала следующий вопрос:

— А папенька?

— О. — Гордость погасла, оставив равнодушие. — Твой отец ещё до завтрака уехал в клуб.

Прекрасно.

— Значит, вы одна?

— Да, дорогая. — Леди Джейн приобняла меня за талию. — Но пойдём, пойдём, что стоять посреди холла? Будешь чай? Мэйбл сегодня испекла потрясающие бисквиты, просто тают во рту. Ты обязана их попробовать.

Под этот щебет меня проводили в маленькую гостиную, которая негласно считалась вотчиной хозяйки дома. Там я уселась в немного потёртое, но от этого не менее удобное кресло и, когда срочно вызванная служанка принесла поднос с угощением, получила в одну руку чашечку с чаем, а в другую — полосочку бисквита. И всё это время леди Джейн не замолкая рассказывала о старших сёстрах Мэриан — Кэтрин и Джорджиане. О том, как возросли их шансы на выгодную партию, как много внимания стали им уделять в обществе, хотя старшая, Кэти, уже была опасно близка к возрасту

старой девы.

«Бесполезно, — с тоской думала я, глядя в радостно-возбуждённое лицо собеседницы. — Даже если первоначально она не поддерживала брак Мэриан, то сейчас полностью прониклась всеми его выгодами».

— А как у тебя дела, дорогая? — леди Джейн наконец прервала свой почти монолог. — Как ты себя чувствуешь, став леди Каннингем?

И я пошла ва-банк. Опустила чашку на чайный столик, положила недоеденный бисквит на блюдце и ответила с обезоруживающей прямотой:

— Плохо, маменька. Мне плохо замужем за этим человеком, и я не знаю, как буду жить с ним дальше.

Глава 7

— О, дорогая… — Такого ответа леди Джейн явно не ждала. — Милая… Но быть может, ты преувеличиваешь…

— Ни на йоту, — разбила я её робкую надежду.

И решилась спросить конкретно:

— Маменька, скажите, как мне развестись?

У леди Джейн сделалось такое лицо, будто она вот-вот лишится чувств.

— Мэриан, дорогая, даже думать забудь! — замахала она руками. — Это такой удар по репутации — твоей и нашей!

— Ну а всё-таки? — продолжила я гнуть своё. — Если забыть о репутации, я могу каким-то образом вернуть свободу? В принципе.

Похоже, таким отношением к репутации я окончательно нокаутировала леди Джейн.

— Милая, что ты такое говоришь? Как забыть? — Она прижала к груди пухлую ладошку. — Дорогая, у меня сейчас сердце остановится!

— Пожалуйста, маменька, не волнуйтесь так! — Я тоже струхнула: только сердечных приступов мне и не хватало. — Вот, выпейте лучше чаю.

Я наполнила её чашку из изящного фарфорового чайника, расписанного пасторальными сценами. И после того как леди Джейн сделала несколько глотков, осторожно сказала:

— Но вы всё-таки расскажите мне о разводах. В общих чертах. Пожалуйста.

Леди Джейн молча вернула чашку на столик. Разгладила несуществующую складочку на юбке и подняла на меня неожиданно твёрдый взгляд.

— Ты никак не сможешь развестись, дорогая. Только лорд Каннингем вправе обратиться в суд, чтобы расторгнуть ваш брак. И лишь в том случае, если узнает о нарушении тобой брачного обета верности. Чего я, надеюсь, никогда не произойдёт с моей дочерью.

Мне тоже не сильно хотелось заводить любовника толь-

ко затем, чтобы добиться свободы. И потому я уточнила:

— А если обет нарушит лорд Каннингем?

К моему великому разочарованию, леди Джейн лишь развела руками.

— Увы, моя дорогая. Мужчины в этом плане более свободны.

Я чуть зубами не скрипнула: кто бы сомневался! А леди Джейн продолжила убеждать:

— Милая, я не знаю, кто внушил тебе эту глупость насчёт развода, но не принимай её всерьёз. Вряд ли лорд Каннингем настолько ужасен, а недопонимания и шероховатости бывают у всех. Вам нужно время, чтобы притереться друг к другу…

— Он изменил мне на нашей свадьбе, — перебила я пугающе ровным тоном. — Я не вижу смысла притираться к этому человеку.

Леди Джейн охнула. Немного помолчала и аккуратно начала:

— Но, Мэриан, ты уверена?..

— Полностью.

В разговоре повисла новая пауза, которую нарушила собеседница.

— Дорогая, я понимаю тебя и сочувствую, но мужчины… Они все такие. Такова уж их природа, с которой нам, женщинам, нужно просто смириться.

Я набрала в грудь воздуха, собираясь высказаться по поводу «мужской природы» и того, что понятия «мудак» и «предатель» — внегендерные. Но, к счастью, успела сообразить: настолько революционные высказывания от «Мышки Мэриан» не объяснить даже чужим влиянием. И потому прикусила язык, хотя сказать мне было что.

— Постарайся не обращать внимания на подобное, — между тем посоветовала леди Джейн. — Живи своей жизнью. Ты теперь занимаешь такое высокое положение в обществе, перед тобой открыты все двери.

«Да толку от них», — хмуро буркнула я про себя. А вслух высказала единственный аргумент, который подходил под образ Мэриан:

— Мне противно, когда он дотрагивается до меня.

Однако у леди Джейн был ответ и на это.

— Постарайся скорее забеременеть, дорогая. Уверена, после этого лорд к тебе остынет. Правда, есть риск, что он вообще отправит тебя куда-нибудь в деревню и лишит прелестей столичной жизни.

— Это не риск, — быстро возразила я. — А, наоборот, то, чего бы мне хотелось.

— Это оттого что ты расстроена, — с убеждением сказала леди Джейн. — В столице столько развлечений: балы, театры, галереи! А визиты? Приёмы? Ах, милая, вспомни нашу жизнь в деревне! Приезды в сюда — это как глоток свежего воздуха.

В памяти всплыли волнение и восторг, с какими Мэриан въезжала в город. Как она жадно смотрела из-за плеча Джорджианы на каменную мостовую и ряды трёхэтажных домов с красочными витринами, на пёструю толпу, разносчиков всякой всячины, двухместные экипажи с ругающимися извозчиками. Незнакомые, резкие запахи, шум, громкие голоса, будто здешние жители не умели разговаривать

обычным тоном — всё это настолько отличалось от привычной деревенской жизни!

«Сначала ей здесь понравилось».

А потом был бал дебютанток.

Я едва заметно передёрнула лопатками и произнесла:

— Может, вы и правы, маменька.

— Разумеется, права. — Леди Джейн качнула головой. Расслышать облегчение в её голосе труда не составило. — Не позволяй чужим забивать тебе голову всякими глупостями. Вряд ли эти люди желают тебе добра. Лучше спроси у меня или папеньки, если в чём-то сомневаешься. Мы тебе точно дурного не посоветуем.

Угу, вы посоветуете терпеть и рожать. И радоваться за сестёр.

Чтобы ненароком не выдать своё отношение, я взяла позабытую чашку и сделала глоток. Чай предсказуемо остыл, и леди Джей гостеприимно (а может, желая поскорее сойти со скользкой темы) предложила:

— Давай налью тебе свежий?

— Да, пожалуйста. — Я очень постаралась, чтобы благодарность выглядела не наигранной. И вновь взяла на себя роль слушательницы об успехах Кэти и Джорджи, параллельно думая о своём.

Я не хотела заводить любовника и потом проходить через судебный ад.

Я совершенно точно не хотела рожать: даже моего эгоизма не хватало на то, чтобы откупиться от Каннингема ни в чём не повинным ребёнком.

Но и жить в столице в одном доме с этим человеком желания не было.

Вот если бы он отправил меня в ссылку, в деревню, да куда-нибудь подальше… Леди Джейн внушает, что это скучно, но лучше скучать, чем постоянно ждать подвоха и ходить по минному полю.

Вопрос в том, как вынудить Каннингема так поступить. Точно не попросить: он откажет гарантированно. Из принципа.

А что, если…

— Бери ещё бисквит, дорогая.

Я рассеянно улыбнулась леди Джейн и, взяв пирожное, закончила мысль.

Что, если мне стать совершенно ужасной женой, которую лорд всеми фибрами захочет отправить из столицы?

Я спрятала довольную усмешку за чашкой с чаем. Похоже, у меня складывался новый план.

Глава 8

— Через два дня я даю приветственный бал, на котором вы впервые выступите в роли леди Каннингем. Поэтому будьте любезны вести себя так, как приличествует этому высокому статусу.

— Не волнуйтесь, — прощебетала я в ответ, и Каннингем, не будь дурак, наградил меня подозревающим взглядом.

Весомо заметил:

— Я рассчитываю на вас, Мэриан.

На что получил лучезарнейшую из улыбок.

Я тоже весьма рассчитывала — и на себя, и на плывущий в руки шанс наглядно продемонстрировать лорду, какой просчёт он совершил, женившись.

И начать собиралась с денег.

Понятно, что подобные приёмы не готовятся за пару суток — этот, по всей видимости, был задуман одновременно со свадьбой. Организацией занимался специальный бальный комитет, что, впрочем, не помешало мне навести мак-

симальную суету, вылившуюся в незапланированные расходы. Так я в последний момент решила заменить золотистые драпировки на голубовато-серые, обосновав тем, что этот цвет мне больше идёт. Отказалась от услуг поставщика мороженого: якобы слышала от маменьки, что он разбавляет молоко водой. Отправила обратно букеты для украшения, уверенно объяснив, что до вечера приёма они подвянут. Последнее, кстати, уже не было выдумкой: в цветах я, спасибо двум годам работы флористкой, разбиралась прекрасно.

— Вы понимаете, что это новые траты? — каждый раз вопрошал Каннингем, которому на меня неизменно жаловались комитетские дамы.

И я каждый раз делала невинные глаза и отвечала:

— Я просто хочу, чтобы всё было на уровне, достойном рода Каннингем.

А поскольку гордость высокородного лорда была категорически против, чтобы в нём заподозрили скупца, он играл желваками и выписывал очередной чек.

«То ли ещё будет», — мысленно усмехалась я, готовясь к своему главному выступлению — к балу.

Как всякая благовоспитанная девица, Мэриан Броуди знала правила этикета. Тем не менее предполагалось, что о тонкостях поведения замужней леди и хозяйки дома она узнает уже после свадьбы от старшего поколения. Свекрови у меня не было: родители Каннингема почили в Бозе пять лет назад от какой-то неведомой инфлюэнцы. А от предложения леди Джейн помочь «крошке Мэриан» делом высокородный зять вежливо отказался, объяснив, что не желает понапрасну утруждать новоявленную родственницу. Та, разумеется, обиделась, верно считав истинную причину отказа. Но когда Каннингема волновали чьи-то обиды? Так что леди Джейн пришлось ограничиться подробнейшей лекцией, которую я выслушала со всем вниманием.

Однако, если бы моя собеседница знала, как будут использоваться её советы, наверняка схватилась бы за сердце.

«Итак, хозяйка дома обязана уделить внимание каждому гостю и всех между собой перезнакомить. Также она должна следить, чтобы все приятно проводили время, никто ни в чём не нуждался, и своевременно дёргать бального распорядителя, если что-то идёт не так. Следовательно, мне достаточно просто забить на организационные моменты и общение, а ещё лучше — просидеть весь праздник в каком-нибудь дальнем уголке. И конечно же, не попадаться на глаза Каннингему или родне Мэриан: разборки лучше отло-

жить на потом. Или нарваться на скандал при всех?»

Обдумав мысль со всех сторон, я вздохнула: не потяну. Они-то ведь, по сути, будут правы со своими претензиями. А я не умею спорить, когда понимаю, что косяк на мне.

«Ладно. Значит, в начале приёма, когда я одна встречаю гостей у парадной лестницы, делаю это с лицом „вам здесь не рады“. А после обязательной кадрили с Каннингемом технично уматываю, например в оранжерею. Или лучше: постоянно слоняюсь на периферии, имитируя бурную деятельность. Во время бала никто не подкопается, а потом будет уже поздно».

И в вечер бала я разыграла план как по нотам. Гостей (за понятным исключением семьи Мэриан) встречала с пустым лицом, разговаривала с ними хоть и вежливо, но абсолютно равнодушно и по минимуму. Кадриль, которой по традиции начался бал, оттанцевала с позорной неуклюжестью (здесь мне почти не пришлось стараться). Каннингем, после того как ему дважды наступили на ногу, даже процедил:

— Аккуратнее, Мэриан.

На что я, злорадно усмехнувшись про себя, пролепетала:

— Простите, я очень волнуюсь.

И наступила партнёру на ногу в третий раз.

К чести лорда, он всего лишь сжал губы в нитку. И даже когда танец закончился, совершил со мной под руку круг почёта по залу, перебрасываясь с гостями короткими фразами. Однако стоило зазвучать первым нотам польки, как он вежливо со мной распростился: на этот танец у него была другая партнёрша.

«Сто процентов, Лаура Хэмптон», — подумала я, провожая взглядом идеально прямую спину Каннингема. Эта дамочка — красивая брюнетка, которой очень шло лиловое платье, — приехала на бал в числе первых и от меня не удостоилась даже формальной улыбки. Нет, не из-за ревности — просто я терпеть не могла лжецов и предателей. А в этом смысле и она, и её любовник стояли для меня на одном уровне.

Впрочем, сейчас интрижка высокородного лорда была мне только на руку. Моя бальная книжица пустовала — до начала бала я всеми силами избегала приглашений на танец, — и теперь был идеальный момент куда-нибудь свинтить, например в одну из чайных комнат. Затем показаться в зале между танцами, чтобы заметила леди Джейн, затем снова ускользнуть…

— Леди Каннингем!

Блин! Как некстати!

Глава 9

Я повернулась и приподняла уголки губ в подобии вежливой улыбки.

— Лорд Фортескью.

Приблизившийся ко мне мужчина был высок и статен, а лицо его можно было бы назвать красивым, если бы не выдающийся фамильный нос.

— Вы не танцуете? — Лорд скользнул по мне взглядом, ощутимо задержав его на декольте. — Разве вы не говорили, что полька у вас занята?

— Я нехорошо себя почувствовала, — без запинки соврала я, глядя Фортескью прямо в серые, холодные, как у рептилии, глаза. — И кавалер благородно не стал требовать от меня танец.

Лорд слегка приподнял брови.

— И оставил вас одну?

— Я настояла, чтобы он продолжил развлекаться, —

парировала я. — Балы ведь придуманы для танцев.

— Очень разумное отношение, — дежурно одобрил Фортескью. — Тем не менее сейчас вы, как мне кажется, хорошо себя чувствуете. Позволите пригласить вас на следующий танец?

— К сожалению, он уже занят.

Не знаю отчего, но мне категорически не хотелось в принципе иметь какие-то дела с этим человеком. Даже без оглядки на сегодняшний план.

— Какая досада. Но, может, окажете мне честь быть моей партнёршей в этом новомодном вальсе?

Да что он ко мне прицепился?

И только я открыла рот, чтобы повторить прежнюю отмазку, как поперхнулась от яркой вспышки чужой памяти.

— Моя дорогая леди Мэриан, кажется, вам нехорошо. Позвольте проводить вас к окну.

— Н-нет, благодарю. — Нельзя выдёргивать руку, нельзя

шарахаться, нельзя убегать. И неважно, что хочется. — Будьте добры, проводите меня к маменьке.

— Осмелюсь настоять. — Какие жёсткие у него пальцы! — Давайте выйдем на балкон, ночной воздух освежит вас.

На балкон, где они окажутся почти наедине? После всех тех липких комплиментов, что он наговорил ей во время вальса? О её губах, коже, груди, да ещё и прижимая к себе явно крепче, чем допускал даже столь фривольный танец. Нет-нет, только не это!

— Простите, лорд Фортескью, но…

— Моя дорогая, не будьте такой букой! Вы ведь в столице. Чуточку благосклонности — и я открою перед вами двери, о которых вы мечтать не могли.

«Ах ты ж похотливый козёл!»

Я недобро сузила глаза и нежнейшим тоном промурлыкала:

— Вынуждена вас огорчить, высокородный лорд, но для вас моя бальная книжка всегда заполнена. Хорошего вечера.

И, взмахнув подолом, стремительно зашагала прочь. Что, разумеется, было против правил этикета, но сейчас волновало меня в последнюю очередь.

«Вот же тварь. Подкатывать к дебютантке на первом балу, причём видя, что она не сможет дать отпор!»

На миг меня коснулось воспоминание о балконном сумраке, крепкой хватке и неожиданно слюнявых губах на щеке — Мэриан успела-таки увернуться.

«Мразь!»

Захотелось развернуться, найти Фортескью и у всех на глазах влепить ему пощёчину. Нет, девушка тогда всё-таки вырвалась и сбежала в ярко освещённую бальную залу. И до конца вечера тряслась как осиновый лист, за что получила тихую выволочку от ни о чём не подозревавшей леди Джейн.

«Неужели они все здесь такие? Изображают джентльменов, а на деле ведут себя как последние говнюки?»

Кипя от негодования, я буквально ворвалась в одну из чайных комнат и едва не врезалась в Генри Троттхейма, которого Каннингем позже приложил характеристикой «деревенщина». Полоснула по неудачно подвернувшемуся парню

яростным взглядом, но, увидев на его лице обескураженное выражение, немного устыдилась. Чтобы сгладить впечатление, вынужденно завела разговор — и обрела приятного собеседника на весь вечер.

Что Каннингем, как бы он ни был увлечён своей Лаурой, успел заметить и, как мне показалось, оскорбиться. Поэтому, надевая дорожное платье в день отъезда, я не могла мысленно не поблагодарить Тротткхейма.

Как ни крути, а приветственный бал стал для меня чертовски удачным.

***

Провожать меня Каннингем не вышел, наверняка желая таким образом задеть и указать на моё место, но по факту лишив отъезд единственной ложки дёгтя. Я самолично проверила багаж (даже подёргала за верёвки, которыми он был привязан) и тепло распростилась с Бэрридоном.

— Не волнуйтесь, леди Мэриан, дороги до Хайланда безопасны, — в очередной раз уверил дворецкий. — А на границе вас встретит отряд из Колдшира: лорд Каннингем отправил распоряжение, чтобы вас ждали в гостинице «Лазурная роза».

— Спасибо, Бэрридон, — в очередной же раз поблагода-

рила я.

На что дворецкий вздохнул и почти безнадёжно уточнил:

— Вы уверены, что в дороге вам не нужна компаньонка?

У него до сих пор не укладывалось в голове, что я еду лишь в сопровождении кучера Олли и рослого слуги по имени Райли — темноволосого, темноглазого и хмурого, как сегодняшнее небо.

— Полностью уверена, — подтвердила я. — Не волнуйтесь, со мной всё будет хорошо.

Бэрридон подавил новый вздох, и я, поддавшись порыву, пообещала:

— Я напишу вам записочку, когда приеду. Чтобы вы не переживали.

На мгновение лицо дворецкого приняло растерянное выражение, однако он немедленно совладал с собой и чопорно поклонился:

— Благодарю за честь, леди Мэриан.

Я легко улыбнулась ему, прохладно кивнула стоявшей неподалёку Грейс и забралась в дорожную карету. Вдохнула, выдохнула: ну, поехали! — и громко велела кучеру:

— Трогай!

Брусчатка зазвенела под конскими копытами, и карета, качнувшись, повезла меня к воротам особняка — навстречу новой и, как я рассчитывала, гораздо более независимой жизни.

Глава 10

Лорд Александр Каннингем стоял у окна кабинета и, невидимый снаружи, наблюдал, как карета увозит прочь его жену.

«Проклятая девчонка!»

Если бы он не знал точно, сколько дочерей в семействе Броуди, решил бы, что ему подсунули двойняшку Мэриан. На балу дебютанток младшая из дочерей «старины Хьюго» ничем не зацепила внимание высокородного лорда (в отличие от Фортескью, он не был любителем «юных прелестниц»), а значит, совершенно не выделялась из толпы неловких восемнадцатилетних девиц, ежегодно съезжавшихся в столицу со всего королевства. Кто же мог знать, что после свадьбы в этой овечке проснётся волчица — умная, независимая, умеющая держать удар и бить в ответ.

«Проклятый королевский бридж!»

Каннингем поморщился. Он столько раз раскаялся в согласии сыграть с его величеством, что малейшее напоминание вызывало оскомину. И ладно бы на кону были деньги! Проиграть пару-тройку сотен золотых теперь казалось такой

мелочью.

Однако королю вздумалось поставить на кон желание, которым неожиданно стала женитьба одного из самых знатных холостяков королевства. Да не просто женитьба, а женитьба за неделю — ужасно малый срок, противоречащий всем правилам этикета.

«И постарайтесь не упоминать о таком пустяке, как наша игра, Каннингем, — сказал король напоследок. — Пусть ваша избранница считает, будто вы потеряли голову от любви к ней».

«Слушаюсь, ваше величество», — кисло ответил лорд, не терявший головы (тем более от женщин), даже когда был желторотым юнцом. И уехал из королевской резиденции в настроении мрачном и унылом — редчайший для него случай.

Где найти девицу, родители которой согласились бы пренебречь приличиями и выдать её замуж пусть за высокородного лорда, но с шокирующей скоростью? Совсем уж откровенного мезальянса не хотелось: род Каннингемов был слишком древним и знатным. О жизни после свадьбы особенно задумываться не стоило — вариант «заделать наследника и отправить ненужную жену в деревню» давно считался

общим местом в договорных браках. Но вот сама свадьба…

Следующим вечером лорд пришёл в клуб раздражённым донельзя и потому с трудом сдержал гримасу брезгливости, когда Экхройт, вечно тянувший в общество всякую деревенщину, представил ему «старину Хьюго Броуди». Явно провинциал, новый знакомец был одет в камзол по прошлогодней моде, не особенно ловко сидевший на его полной фигуре, и то и дело вытирал платком нервную испарину. Он очень старался говорить уверенно, однако до конца избавиться от заискивающих нот всё равно не мог. В обычном настроении Каннингем облил бы его холодом, намекнув держаться подальше. Но сегодня высокородному лорду вдруг пришла на ум некая шутка, и он не совладал с искушением.

— Не желаете ли присоединиться к нашей партии в вист, Броуди? — свысока предложил он. — Нам не хватает одного игрока.

Новый знакомец в очередной раз промокнул платком лоб.

— Благодарю за приглашение, лорд Каннингем. — Переломить себя и называть собеседника без титула он не мог. — Но я не уверен…

— Ставки будут символические. — Каннингем с лёгко-

стью разгадал причину заминки. — Однако, если вы не чувствуете в себе уверенность, не буду настаивать.

— Нет-нет! — Броуди не на шутку испугался. — Я и в мыслях не… Конечно, я согласен!

Каннингем небрежно кивнул ему и, не оглядываясь, направился к карточному салону. Он был уверен, что жертва идёт следом, даже не догадываясь, что её ждёт.

Это было настолько легко, что походило на избиение младенца. Причём Броуди понимал, что проигрывает в пух и прах, но остановиться не мог: всё надеялся, карточная удача вот-вот улыбнётся ему.

Экхройт пытался мягко притормозить приятеля — увы, безрезультатно. Однако именно фраза о «безутешных милых дочерях» стала для Каннингема искрой, из которой вспыхнул огонь гениальной (как тогда казалось) идеи. И, угощая фактически разорённого Броуди хайландским виски десятилетней выдержки, высокородный лорд предложил сделку: порванная долговая расписка в обмен на руку и сердце дочери проигравшего.

— Но Мэриан самая младшая. — Несмотря на патовую ситуацию, Броуди пытался барахтаться. — Почему бы вам не присмотреться к моей старшенькой, Кэтрин?

Позже Каннингем всерьёз сожалел, что даже не обдумал этот вопрос. Но тогда его зацепило, что щедрое предложение не было встречено безоговорочно, и с улыбкой, похожей на росчерк кинжала, он мягко заметил:

— Я считаю леди Мэриан более подходящей для себя парой.

И мышеловка захлопнулась.

Каннингем-из-настоящего понял, что сжимает край подоконника с такой силой, словно хочет раскрошить камень, и заставил себя расслабить пальцы.

— Ничего, — вполголоса произнёс он, обращаясь к давно исчезнувшей карете. — Вы ещё на коленях приползёте ко мне, моя дорогая. Обещаю.

Глава 11

Ехалось мне отлично. Поначалу я глазела из окна на столицу и пригороды, затем — на зелень лугов и бледное золото полей. Стоило нам отъехать от города, как ветер разогнал тучи, и теперь летнее солнце весело светило с небес, изредка прячась за белые, похожие на комки ваты облачка. «Свобода, свобода, — мурлыкала я про себя. И на всякий случай поправлялась: — Ну, почти». А ещё строила планы — по сути своей, воздушные замки, ведь ничего толкового о Колдшире мне известно не было.

Весь день мы провели в пути почти без остановок, но единственным неудобством от этого были затёкшие мускулы: после сытного завтрака голод я почувствовала ближе к вечеру. И к постоялому двору, рядом с которым Олли остановил карету уже в сумерках, приехала с вполне здоровым аппетитом.

Пока кучер недовольно прикрикивал на бросившихся к нам слуг и сам управлялся с лошадьми, Райли откинул подножку кареты и помог мне выйти. После чего, потерев тонкий шрам, пересекавший правую бровь, буркнул:

— Пойду разузнаю, что да как. — И широким шагом дви-

нулся к крыльцу.

— Не извольте беспокоиться, леди Каннингем. — Олли будто извинялся за не слишком вежливого «коллегу». — Местечко тута недурное, но ежели комнат вдруг не найдётся, поедем дальше. Мили через три ещё один постоялый двор будет, там точно заночуем.

Однако вскоре вернувшийся Райли так же отрывисто сообщил:

— Нашлась комната. — И играючи вытащил из кареты мой саквояж с вещами первой необходимости.

Кучер остался заботиться о лошадях, а я в сопровождении Райли вошла в просторный зал постоялого двора. Царивший здесь полумрак разгоняли огонь большого камина у дальней стены да неохотно цедившие вечерний свет грязноватые окна.

— Леди Каннингем! — Невысокий и лысый, как пятка, хозяин колобком выкатился из-за широкой деревянной стойки мне навстречу. — Какая честь! Счастлив приветствовать вашу светлость под сим скромным кровом!

И отвесил такой глубокий поклон, что я испугалась, как

бы он ни приложился лбом об пол.

— Добрый вечер. — Мне было неловко от настолько преувеличенного гостеприимства. — Мне сказали, у вас есть подходящая для меня комната.

— Самая лучшая на всех постоялых дворах за семь миль окрест! — побожился хозяин. — Прошу вас, леди Каннингем, следуйте за мной.

Он повёл меня на второй этаж, где в конце длинного коридора безошибочно нашёл на толстой связке нужный ключ и открыл ничем не примечательную дверь. С поклоном пропустил меня вперёд:

— Пожалуйте, ваша светлость!

И я вошла в комнату.

На первый взгляд она и впрямь была неплохой: чистый пол, белоснежное постельное на широкой кровати, запах свежести. Обещая тишину, единственное окно выходило на противоположную от крыльца сторону, и озарённые закатным солнцем холмы смотрелись в его раме красивой фотографией.

— Славная комната, — резюмировала я и обернулась к

хозяину. — Пусть подадут горячую воду, чтобы умыться с дороги, и ужин. И позаботьтесь, чтобы мои слуги получили ночлег не хуже.

— Слушаюсь, леди Каннингем!

В очередной раз согнувшись в поклоне, хозяин выкатился в коридор. «Анника! — донёсся до меня его вмиг сделавшийся сердитым голос. — Где ты, лентяйка? Горячую воду для леди Каннингем, живо!»

— Я договорюсь, чтобы мы с Олли ночевали в соседней комнате, — хмуро сообщил Райли, ставя мой саквояж рядом с узким платяным шкафом. — Не забудьте запереть на ночь дверь. Леди Каннингем.

На этом он неуклюже поклонился и оставил меня одну, да так, что ни дверь не стукнула, ни половица не скрипнула.

«Странный человек, — подумалось мне ему вслед. — Кланяется, а у самого спина не гнётся. И про „леди“ явно через раз вспоминает. Интересно, откуда Бэрридон его откопал?»

***

Воду мне принесла миловидная веснушчатая девушка, у которой из-под чепца служанки во все стороны выбивались

пушистые рыжие кудряшки.

— Чего на ужин изволите, ваш-светлость? — спросила она, сделав почтительный книксен и поставив высокий кувшин на столик для умывания. — На кухне есть суп, жаркое из телятины, запечённая курица, овощи, пудинг с изюмом, яблоки с рисом. Но ежели пожелаете, кухарка состряпает отдельно для вас.

— Не нужно. — Меня полностью устраивало здешнее меню. — Принеси суп, жаркое и пудинг. Да, и ещё чай.

— Слушаюсь, ваш-светлость.

Служанка почти на цыпочках выскользнула из комнаты и, уже без стеснения топоча грубыми башмаками, заторопилась на кухню. Пока она несла ужин, я успела умыться и почти до неприличия ослабить шнурки на корсете. Честно, если бы не это орудие пытки во имя моды, моё путешествие было бы идеальным.

В дверь постучали: «Леди Каннингем!». Я открыла и чуть не захлебнулась слюной от аппетитных запахов и вида уставленного блюдами подноса. Служанка сгрузила всё это счастье на маленький столик у окна, и следующие двадцать минут я целиком посвятила еде. А наевшись, выставила поднос в коридор, заперла дверь и с трудом удержалась, чтобы не

рухнуть на постель прямо в одежде: день тряски в карете и сытный ужин сделали своё расслабляющее дело. Но я всё же заставила себя сменить платье на вытащенную из саквояжа сорочку и расплела волосы. После чего наконец-то опустилась на свежие простыни и, завернувшись в одеяло, как в кокон, почти мгновенно уснула крепким сном усталой путешественницы.

Глава 12

Ночь прошла превосходно — жаль, что закончилась быстро. Казалось, голова только-только коснулась подушки, как в сон вторглись деликатный стук и приглушённый голос из-за двери: «Леди Каннингем! Доброе утро!»

— Утро добрым не бывает, — проворчала я, стаскивая себя с кровати.

Ёжась в прохладе серых сумерек, закуталась в шаль и пошла открывать.

— Вода для умывания, ваш-светлость, — сообщила давешняя служанка, сделав непременный книксен. — Желаете завтракать тута или в общем зале?

Я слегка задумалась и уточнила:

— В зале сейчас есть кто-нибудь?

— Ток ваши слуги.

Тогда нормально.

— Я спущусь. Пусть накрывают.

— Хорошо, леди Каннингем.

Оставив в комнате кувшин, девушка заторопилась передавать моё пожелание.

Я как раз справилась с последним крючком дорожного платья, когда снова раздался стук.

— Леди Каннингем!

Голос был мужским, однако я без раздумий открыла дверь. И встретила по обыкновению пасмурный взгляд Райли.

— Вы не спросили, кто там, — без приветствия и с явным осуждением сказал он. — Это неблагоразумно.

Мэриан в ответ наверняка пролепетала бы что-то вроде: «Ой! Простите, пожалуйста». Мне же, не особенно выспавшейся и замучившейся с долбаными застёжками, захотелось, наоборот, сказать что-нибудь резкое. Однако я совладала с порывом и ограничилась сухим:

— Спасибо, в следующий раз учту. Завтрак готов?

— Да. — Взгляд Райли скользнул мимо меня в комнату, сканируя пространство. — Ваши вещи можно забирать?

— Почти.

Я быстро сложила в саквояж до сих пор не убранные шаль и несессер, звонко закрыла замочки и распорядилась:

— Теперь уноси.

И, не проверяя, как будет выполнено указание, вышла из комнаты и направилась к лестнице.

Вкусный и сытный завтрак привёл меня в более или менее благостное расположение духа. Так что когда хозяин назвал за постой сумму в пять серебряных, я без задней мысли полезла в пристёгнутый к поясу кошелёк. Однако вытащить деньги не успела, остановленная вдруг шагнувшим вперёд Райли.

— Погодите-ка, уважаемый. — Судя по угрожающему тону, собеседника не уважали от слова «совсем». — Вчера вы объявили, что лучшая комната стоит два серебряных за ночь. А сегодня служанка сказала, что за нашу с Олли каморку обычно берут шесть медяшек с носа. Два серебряных да двенадцать медяшек — три серебряных. Выходит, ещё два вы хотите за ужин и завтрак, красная цена которым — де-

сятка медью?

Хозяин переменился в лице, а моё хорошее настроение стремительно покатилось вниз, уступая место холодной злости.

— Вы что же, хотели меня обмануть?

Будь я собой, это прозвучало бы гораздо нелитературнее. Однако и аристократический вариант фразы, сказанный тоном Снежной Королевы, подействовал на хозяина устрашающе.

— Что вы, ваша светлость! — замахал он руками. — Это ошибка! Я просто… оговорился, вот! Всего два серебряных, ваша светлость, а еда бесплатно, в знак уважения к вашей светлости!

Я сжала губы в тонкую нить. Недрогнувшей рукой отсчитала три серебряные монеты и почти без звука положила их на край прилавка. Бросила:

— На сдачу соберёте для меня корзину с ланчем. Да поживее, ждать не буду. — И, не слушая лепета хозяина, вышла во двор.

Карета уже ждала перед воротами, и Олли в последний раз проверял ремни упряжи.

— Доброе утро, леди Каннингем! — приветственно поклонился он, когда я приблизилась.

— Доброе.

Из-за не до конца успокоившихся нервов ответ прозвучал незаслуженно сухо. И чтобы сгладить это впечатление, я предупредила:

— Немного задержимся, хозяин собирался дать нам с собой какой-то подарок.

Олли удивлённо моргнул, однако ответил: «Хорошо». А я, чтобы не терять время совсем уж впустую, принялась прогуливаться по двору, разминая тело перед часами сидения в карете.

Впрочем, долго прохаживаться мне не пришлось. Дверь постоялого двора открылась, и на крыльце появился Райли с накрытой белым полотенцем корзиной в руках.

— Я проверил, — доложил он мне, подойдя к экипажу. — Здесь мясо, сыр, хлеб, овощи. Все продукты свежие.

— Превосходно, — кивнула я. — Значит, можем ехать.

Расторопный Олли без промедления открыл передо мной дверцу и опустил подножку. Я встала на первую ступеньку и поняла, что должна это сказать.

— Спасибо, Райли. Твоё вмешательство было весьма своевременным.

— Это мой долг. Леди Каннингем. — С поклонами и субординацией у слуги всё было по-прежнему грустно. — Вы тоже достойно себя повели.

Я негромко хмыкнула: комплимент, однако. А Олли вдруг закашлялся, почему-то напомнив мне условный сигнал из фильма «Девчата». Интересно, с этим ли было связано, что Райли отвёл глаза? Я едва заметно дёрнула плечом: ой, да какая разница? И вообще, хватит болтать, ехать пора. Потому в ответ я лишь небрежно уронила:

— Благодарю. — И наконец уселась в карету.

Пока устраивалась поудобнее, Олли закрыл дверцу и забрался на козлы. Райли уселся рядом с ним, щёлкнули вожжи, и под протяжное «Н-но!» экипаж тронулся с места. Пу-

тешествие продолжалось.

Глава 13

Чем дальше карета продвигалась на северо-запад, тем выше становились волны холмов, тем чаще поля и луга уступали место рощам и перелескам. Погода радовала, гостиницы, в которых мы останавливались на ночлег, оставались вполне приличными, а их хозяева больше не пытались меня обсчитать. И, оценивая траты, я не без удовольствия думала, что в выданном Каннингемом кошельке «на дорогу» по приезде в Колдшир останется некая сумма серебром.

На четвёртый день нашего путешествия горизонт вздыбился синеватым валом лесистых гор. Как объяснил Олли, это была граница с высокогорьями Хайланда. А гостиница «Лазурная роза», где нас должен был ждать отряд сопровождения, находилась в последнем более или менее крупном городке здешних мест, Норталлене. Туда мы подъехали достаточно рано — солнце ещё не успело зайти за вершины холмов, одетых в тёмно-зелёную шубу леса. По сложившейся традиции Райли отправился договариваться о постое, а я без суеты выбралась из кареты и, дожидаясь новостей, принялась рассматривать здание гостиницы. Старинное, сложенное из серого камня, оно было красиво увито плющом. Флюгер на остром шпиле башенки, крытой черепицей, показывал в ту сторону, откуда мы приехали, а над входом висел

овальный щит с искусно нарисованной голубой розой. Место дышало умиротворением глубоко провинциального городка, однако моё приподнятое настроение моментально рухнуло, когда вышедший из гостиницы Райли мрачно сообщил:

— Нас не встречают.

— Задержались в пути? — нахмурилась я. — Слишком поздно получили весть из столицы?

Слуга пожал плечами. Собрался что-то сказать, однако его перебил Олли.

— Что прикажете делать, леди Каннингем?

Ну да, я же у них за главную.

— До завтра точно остаёмся здесь. — Всё-таки вечер на носу. — А потом…

Я перевела взгляд на Райли:

— Сколько бы вы ждали наших сопровождающих?

— День, — после недолгого раздумья ответил тот. — Дольше бессмысленно: если они не объявятся, значит, не

знают о вашем приезде.

Я кивнула и постановила:

— Тогда ждём до послезавтрашнего утра. И если никого не будет, добираемся до поместья сами.

Мужчины переглянулись, и Олли ответил за обоих:

— Как прикажете, леди Каннингем.

А потом взъерошил вихры на затылке и пробормотал сам себе:

— Хорошо бы дождаться, конечно.

«Что это он так неуверенно? — удивилась я. — Неужели из-за разбойников?»

И вечером, когда служанка принесла мне в комнату воду для умывания, решила поинтересоваться:

— Не знаешь, как сейчас дорога до Колдшира?

— Сухо всё, ваш-светлость, дождёв давно не было, — ответствовала та. — Токмо… — Она воровато огляделась и понизила голос. — Пошаливают. Грят, сам Безликий Родди

с гор спустился.

Я припомнила, что это же прозвище упоминала горничная в особняке Каннингема, и без задней мысли уточнила:

— Безликий Родди? А кто это?

— Вы не слыхали? — вытаращилась на меня служанка. — О-о, ваш-светлость, он жуткий человек! Да ещё и… — Голос рассказчицы упал до пугающего шёпота. — Колдун!

И дальше мне оставалось лишь слушать. О том, как Безликий одновременно ограбил троих торговцев, находившихся за двадцать миль друг от друга. О том, как он сжёг поместье лорда Лесли за то, что тот похвалялся бесстрашием перед разбойником. О том, как рощу, где скрывалась банда Безликого, окружил отряд королевских гвардейцев, но, когда солдаты ворвались под деревья, там никого не оказалось. И ещё тысячу и одну байку, правды в которых, по моим ощущениям, было от силы на десятую часть.

— А почему он Безликий? — наконец вклинилась я во вдохновенный монолог служанки.

— Из-за платка же, — немедленно ответила она. — Понимаете, одёжа на нём как на дворянине, а лицо чёрным плат-

ком замотано. Грят, оттого, что у него там колдунское клеймо на всю щёку. И кто это клеймо увидит, тот сразу умрёт!

— Кошмар, — согласилась я, про себя забавляясь рассказанными страшилками и одновременно чувствуя уважение к разбойнику. Какую же он провёл пиар-кампанию, чтобы о нём сложили столько историй!

Но даже если львиная доля из них была откровенной выдумкой, встречаться с Безликим и его бандой мне не хотелось.

«Будем надеяться, завтра за нами приедут слуги из Колдшира, и нападать на большую компанию Безликий, при всех его талантах, остережётся».

Глава 14

Следующий день я провела в ленивой праздности, отдыхая от дорожной тряски. Но если бы не изматывающее ожидание, этот отдых был бы гораздо приятнее.

Я отвлекала себя чем могла. Долго и со вкусом завтракала, читала у окна книгу, даже пыталась рисовать — память подсказывала, что Мэриан это успокаивало. Однако после полудня все занятия в четырёх стенах надоели мне до оскомины. Немного поразмыслив, я вышла из комнаты и отправилась на поиски спутников.

Олли и Райли нашлись возле коновязи, где первый любовно чистил лошадей, а второй возился с каретным колесом, начавшим вчера сильно скрипеть. Однако стоило мне приблизиться, как оба отложили свои дела.

— Какие-то распоряжения, леди Каннингем? — бойко осведомился Олли.

— Почти, — подтвердила я и посмотрела в хмурое лицо Райли. — Я собираюсь немного погулять по городу, и мне нужен сопровождающий.

Райли сдвинул брови. «Что за блажь?» — внятно читалось на его лице. Однако ни отказаться, ни даже произнести фразу вслух он не мог: субординация. И потому я удостоилась мрачного, но единственно возможного ответа:

— Как прикажете, леди Каннингем.

***

«Удобно всё-таки, когда ты её светлость, а не обычная девица, которая не знает, чем заняться», — думала я, шагая по брусчатке центральной улицы. Насупленный Райли, как и полагалось слуге, шёл справа и чуть позади меня. Ни светившее с ясного неба тёплое солнышко, ни приятный ветерок, ни симпатичные домики, по тёмному камню которых карабкались ярко-зелёные лозы плюща, не могли добавить в настроение этого человека и толики беспечности.

«Интересно, его самого не напрягает вечно хмурое лицо?»

Мы остановились на горбатом мосточке через неширокую, но говорливую речушку, бежавшую между старинными, утопавшими в зелени домиками. Вид был живописный, однако пронять моего спутника ему не удалось.

«Да расслабься же! — захотелось сказать мне. — Посмотри, как красиво, ну!»

И я уже набрала воздуха, чтобы выдать эту или похожую тираду, как неподалёку послышалось жалобное:

— Подайте на пропитание, благородная госпожа!

Вздрогнув, я обернулась и увидела светловолосого парнишку-оборванца. Одетого в сущие лохмотья, чумазого, но с совершенно невероятными серыми глазищами.

— Хоть медяшечку. — Паренёк шмыгнул носом и протянул ко мне грязную ладошку. — Добрая, благородная госпожа!

Будучи собой, я не подавала никогда. Могла купить нуждавшейся бабульке хлеба или молока, однако «копеечки» от меня не дожидался никто. Однако сейчас рука без участия разума потянулась к спрятанному в складках юбки кошельку. И парнишка наверняка ушёл бы далеко не с медяшечкой, если бы одновременно Райли не шагнул вперёд, загородив меня собой.

— А ну, пошёл вон! — властно рявкнул он на оборванца. — Нечего лезть к благородной госпоже!

И замахнулся, собираясь отвесить пареньку подзатыль-

ник.

— Ты что себе позволяешь?! — Я задохнулась от возмущения.

Что, впрочем, не произвело на слугу ни малейшего впечатления. К счастью, парнишка сумел ловко увернуться и, отпрянув, полоснул по Райли злобным взглядом.

— Отстань от него!

— Брысь!

Наши с Райли возгласы прозвучали в унисон, однако прислушался оборванец не ко мне. Плюнул сделавшему ещё шаг Райли под ноги, крутанулся на пятках дырявых ботинок и задал стрекача.

— Стой! — закричала я ему вслед.

Бесполезно: парнишка был уже возле узкого проулка между домами. Обернулся напоследок, погрозил нам кулаком и исчез из виду.

А я без промедления напустилась на Райли.

— Зачем ты вмешался? Бедный ребёнок! Из-за тебя…

— Из-за меня ваш кошелёк сегодня останется при вас, — перебил слуга с возмутительным хладнокровием. — Такие, как этот «бедный ребёнок», сначала примечают, где вы держите деньги, а потом, якобы заигравшись, налетают на вас ватагой и в суете срезают кошель.

— Откуда ты знаешь? — С каким бы знанием дела он ни говорил, я продолжала кипеть и не собиралась верить сразу.

Райли криво усмехнулся.

— Сам таким был.

Его откровенность немного сбила пламя моего негодования, и собеседник, пользуясь моментом, нейтрально уточнил:

— Идёмте дальше? Леди Каннингем.

Снова эта пауза, будто он вспомнил о разнице в нашем положении, уже закончив фразу. Я сузила глаза и уверенно отчеканила:

— Вы не слуга. Кто вы такой на самом деле? И зачем Бэр-

ридон отправил вас со мной?

Если у меня и получилось застать Райли врасплох, он сумел это скрыть.

— Чтобы защищать вас в пути, леди Каннингем.

— Хорошо, — не отступала я. — А каков ответ на первый вопрос?

Молчание, непробиваемая маска равнодушия и пустой взгляд.

«Ладно же, — мысленно протелеграфировала я Райли. — Хочешь разыгрывать из себя слугу — на здоровье. Но когда я доберусь до Колдшира, то напишу Бэрридону и вытрясу из него всю твою подноготную».

И прохладно распорядилась вслух:

— Возвращаемся в гостиницу.

Вдруг наши сопровождающие уже приехали.

Глава 15

Однако в «Лазурной розе» нас встретил один Олли.

— Может, послать весточку в Колдшир? — предложила я.

Мужчины обменялись взглядами, и Райли медленно наклонил голову:

— Попробую договориться.

Увы, даже за приличное вознаграждение желающих поработать гонцом не нашлось.

— Никто прямо не отказал, — позже рассказывал Райли с кривоватой усмешкой, — но у всех нашлись причины не ехать. Лошадь захромала, жена больна, сам прихворнул.

— Интересно, почему так?

Я не рассчитывала на ответ — телепатов среди нас вроде бы не было. Однако Олли вдруг заметил:

— Думаю, они боятся Безликого Родди.

И, побуждаемый моим удивлённым взглядом, развернул мысль:

— Я слыхал от местных, что Безликий опять шалит в здешних лесах. А боятся его похлеще, чем огня.

У меня в груди ёкнуло от недоброго предчувствия, а Райли презрительно буркнул:

— Ну и идиоты. — А затем неожиданно попытался меня успокоить: — Не волнуйтесь, леди Каннингем, завтра мы будем в Колдшире.

— И за нами ещё может приехать отряд, — поддакнул желавший сгладить оплошность Олли.

Но слуги из Колдшира не объявились ни к вечеру, ни на следующее утро.

— Всё-таки придётся добираться одним, — с несколько фальшивым оптимизмом постановила я после завтрака.

И спутники с нестройным «Как прикажете, леди Каннингем» отправились готовить карету к дороге.

***

От Олли я знала, что до Колдшира осталось порядка два-

дцати миль. Пустяковое расстояние на фоне нашего остального путешествия, и карета должна была преодолеть его часам к трём пополудни. Однако насколько серьёзнее мои спутники относились к этой «финишной прямой» по сравнению с остальной дорогой, я поняла, когда, садясь в карету, заметила за поясом у Райли рукоятки пистолетов.

«Ничего себе! — Я невольно передёрнула лопатками от скользнувшего вдоль спины холодка. — Он ещё и вооружён».

Вот только хватит ли двух пистолетов против целой банды?

Риторический вопрос.

«Будем надеяться, мы доберёмся до Колдшира без происшествий».

С этой, больше похожей на молитву, мыслью я выглянула в окно. Карета как раз выезжала из ворот гостиницы, и взгляд зацепился за стоявшего у соседнего дома оборванца. На миг наши глаза встретились, но парнишка тут же сорвался с места и исчез в ближайшей подворотне. А я осталась гадать: обозналась или это действительно был вчерашний попрошайка, так грубо отваженный Райли?

Карета выехала из города без проволочек. Правда, у меня возникло ощущение, что Олли вёз нас по каким-то задворкам: мелькавшие в окне домишки имели откровенно непрезентабельный вид, а между булыжниками мостовой пробивалась неопрятная щётка травы. Однако вскоре экипаж выкатил на серую ленту тракта, и снаружи вновь поплыли волны холмов, чьи гребни украшали купы сосенок, рябин и берёз. И насколько бы чёрствой и циничной я ни привыкла себя считать, от вида белых стволов у меня защемило сердце.

Но вот дорога стала забирать вверх и вскоре нырнула под светлую сень обширной дубравы.

Древесные стволы могучими колоннами поддерживали высокий свод из ветвей, землю устилал яркий ковёр папоротников. Мягкий свет, приятный запах листвы, приглушённые звуки пригладили мои взъерошенные нервы, и я без тревоги смотрела на умиротворяющий лесной пейзаж.

И почти не всполошилась, когда карета вдруг плавно затормозила.

— Что там? — высунулась я из окна.

— Дерево упало! — откликнулся Олли. — Не волнуйтесь, ваша светлость, сейчас уберё…

И в ту же секунду грохнул выстрел.

Под испуганное конское ржание я инстинктивно отшатнулась и вжалась спиной в подушки сиденья.

«Разбойники!»

— Поворачивай!

Крик потонул во втором выстреле и диких, со всех сторон грянувших воплях. Карета дёрнулась, проехала каких-то пару метров и замерла. Третий выстрел, шум борьбы, глухие удары в переднюю стенку.

«Нужно какое-то оружие!»

Но какое? Я ведь даже корзинку с рукоделием, откуда можно было бы схватить ножницы, в карету не взяла.

«Дерьмо!»

Я цапнула нож для бумаги — единственное имевшееся у меня подобие холодного оружия — и забилась в ближний от двери угол, чтобы не сразу попасться на глаза, когда кто-либо заглянет внутрь.

И вовремя.

Дверца распахнулась.

— На выход, дамочка! — рыкнул сунувшийся в карету тип и с воем шарахнулся назад, прижимая ладонь к лицу: нож попал ему точно в глаз.

— Ой, мама!

От шока я выронила оружие. Удар получился случайно, у меня бы никогда не хватило духа сознательно нанести такую рану.

Однако на угрызения совести времени не было. В карету сунулся другой разбойник, и я с отчаянным воплем треснула его подушкой, которую подкладывала под спину для удобства. Увы, подушка не нож, и если в первое мгновение бандит опешил, то во второе уже крепко схватил меня за предплечье и, матерясь, как прораб на стройке, потащил наружу.

— Пусти, гад! Не смей! Не трогай меня!

Я сопротивлялась. Визжала, царапалась, била кулаками, вырывалась — словом, вела себя совершенно непотребным

для леди образом. На помощь неспособному совладать со мной разбойнику бросились двое подельников, и от чьей-то могучей оплеухи у меня будто взорвалась в голове петарда. Ничего толком не видя из-за слёз, я наугад брыкнулась и, судя по тому, что нога угодила во что-то мягкое, и сдавленному оханью, брыкнулась удачно.

— Ах ты ж!..

Мне с такой силой заломили руки, что едва не выдернули плечи из суставов.

— Отпусти-и!

И случилось невероятное. Совсем рядом грянул громовой приказ:

— Отпустите её!

И ломавшие меня чужие руки покорно разжали хватку.

Глава 16

Почувствовав свободу, я инстинктивно попятилась, чтобы выиграть больше пространства для манёвра. Взгляд метался по дороге, натыкаясь то на вооружённых дубинами мужчин в грязно-зелёной и коричневой одежде, то на рыжего бородача, которому товарищ заматывал лицо не особенно чистой тряпкой, то на связанного Олли, то — я судорожно сглотнула — на Райли, неподвижно лежавшего у колеса лицом в землю.

И наконец, замер, впившись в высокого, хорошо одетого человека в шляпе-трильби из тёмно-зелёного фетра, чьё лицо до самых глаз закрывал чёрный шейный платок.

«Безликий Родди!»

Я сжала кулаки, как будто и впрямь могла что-то противопоставить знаменитому разбойнику и его банде.

— Доброго дня, сударыня.

Голос разбойника звучал глухо, словно через слои ткани, однако тон был самым что ни на есть светским.

— Кому добрый, а кому не очень, — хрипло ответила я.

Родди хмыкнул и всё с теми же интонациями продолжил:

— С кем имею честь?

Говорить, не говорить? Выигрывая время, я приподняла подбородок и холодно заметила:

— Согласно этикету, первым обязан представляться мужчина.

— Ты глянь на неё! — оскалился тот разбойник, что вытаскивал меня из кареты. В то время как остальные споро выпрягали лошадей и стаскивали с крыши багаж, он стоял неподалёку и внимательно слушал разговор. — Прям настоящая ледя!

— Моё имя Родрик. — Оставив комментарий подельника без внимания, Безликий небрежно поклонился. — Приятно познакомиться, сударыня.

— Леди Мэриан Каннингем. — Я решила, что безопаснее сказать правду. Глядишь, Родди захочет получить за меня выкуп, а не просто отдаст банде на забаву. — Неприятно познакомиться, господин Родрик.

— Каннингем? — Безликий нахмурился. — Вы родственница лорда Каннингема?

Ну, ва-банк. И я всё с той же льдистостью уточнила:

— Его жена.

— Брешет как дышит! — припечатал разбойник, и Безликий явно разделял его скептицизм.

— Вы жена лорда Каннингема? — недоверчиво переспросил он. — Не слышал, чтобы он женился.

— Странно, — съязвила я. — Вся столица знает, а вы в своей глуши — нет. Как такое возможно?

Глаза Безликого недобро блеснули.

— У вас есть доказательства?

Как мне хотелось отбрить его фразой наподобие: «Ты что, учитель геометрии, чтобы я тебе что-то доказывала?» Но, к сожалению, ситуация не располагала к хамству. И потому я лишь процедила:

— Разумеется. В карете, в саквояже лежит свидетельство о браке.

Безликий слегка наклонил голову и распорядился:

— Джимми, принеси.

«Как собаке», — брезгливо поморщилась я. Однако разбойник, не прекословя, двинулся к карете. Настороженно следя за ним, я сместилась в сторону, но Джим не удостоил меня и полувзглядом. Он вытащил из экипажа чемодан и без сантиментов вытряхнул его содержимое на землю перед Безликим. А тот, наклонившись, с первого раза вытащил из груды вещей кожаный футляр, в котором я хранила документы. Извлёк из него первую бумагу, пробежался по тексту глазами и, глядя на меня, с нескрываемым удивлением произнёс:

— Это правда.

Стоявший рядом с ним Джим уронил челюсть, а я повела плечами, всем своим видом показывая: разумеется, правда.

Тем временем Безликий уже вынул следующий лист, просмотрел и вдруг стиснул так, что смял бумагу.

«Эй, это же документ на владение Колдширом!» — воз-

мутилась я про себя. А вслух резко заметила:

— Аккуратнее с моими вещами.

— С вашими вещами? — повторил Безликий будто на автомате. И с неожиданной требовательностью спросил: — Значит, теперь хозяйка Колдшира — вы?

Интересно, почему это его так зацепило? И насколько снизило мои шансы выжить? Ведь судя по тону, новость для него была ни разу не хорошая, да и Джим набычился, словно готовясь по первому же звуку наброситься на меня.

— Вы же сами прочли. — Несмотря на хаос в мыслях, я сумела сохранить равнодушное выражение лица.

Устремлённый на меня взгляд Безликого ощущался как бетонная плита, а повисшая между нами пауза была достойна МХАТа.

— Верно, — наконец нарушил её Безликий. Аккуратно убрал обе бумаги в футляр, уронил его поверх остальных вещей и зычно — я даже вздрогнула от испуга — приказал:

— Оставьте всё, и уходим. Дальше леди Каннингем следует беспрепятственно.

Глава 17

Что?

— Чего? — Шокированный не меньше, чем я, Джим уставился на предводителя. — Мастер Родди, да как же это уходим?

Остановленные на середине грабежа бандиты поддержали приятеля возмущённым ропотом, однако Безликий гласу народа не внял.

— Уходим, — жёстко повторил он и многозначительно положил ладонь на инкрустированную перламутром рукоять пистолета за поясом. Обвёл подельников тяжёлым взглядом, и разбойники с недовольным ворчанием бросили уже спущенные на землю сундуки и чемоданы. Недобро косясь в мою сторону и без большого энтузиазма, по одному-двое скрылись за деревьями.

На дороге остались распотрошённая карета с наполовину выпряженными из неё лошадьми, связанный Олли, жутко неподвижный Райли, я и Безликий.

— Приятной дороги, леди Каннингем.

Разбойник не без издёвки поклонился. Повернулся ко мне спиной, и тогда я наконец вышла из ступора.

— Очень по-мужски.

Широкие плечи Безликого слегка дрогнули, однако шага он не замедлил. Только оказавшись возле деревьев, он бросил мне через плечо:

— Я в вас верю. — И растворился в зеленоватой лесной светотени, будто и впрямь был колдуном.

«Ну и вали, урод».

Я бы хотела произнести это вслух, но у Мэриан язык не повернулся выдать подобную фразу. И потому мне оставалось лишь настороженно оглядеться: точно все ушли? — и опрометью броситься к Олли.

— Ты как, в порядке? Сейчас, потерпи, сейчас.

Доламывая пережившие схватку с разбойниками ногти, я кое-как развязала кляп, затыкавший рот кучера. И первым, что выдал Олли, было:

— Госпожа, вы как?

— Я первая спросила.

Голос позорно дрогнул, и я торопливо задёргала узлы на верёвках, связывавших руки кучера.

— Да что мне будет, — смутился Олли. — Это Райли…

Он замолчал, но я всё равно бросила машинальный взгляд на лежавшего навзничь слугу и сглотнула вздумавший встать в горле комок.

Неужели он и вправду погиб?

Спасибо Олли, что догадался вернуть меня к делам насущным, посоветовав:

— Вы это, нож возьмите. Вон, валяется: у меня выбили.

Я заставила себя перевести взгляд и действительно увидела лежавший под каретой нож. Быстро достала его, и буквально в два взмаха Олли был освобождён.

— Спасибо, леди Каннингем, — от души поблагодарил кучер.

И когда я в ответ, не удержавшись, шмыгнула носом, с пониманием заглянул в лицо:

— Вы отдохните, госпожа. А я сейчас лошадок запрягу потихоньку…

Я мотнула головой, не дав ему договорить.

— Со мной всё в порядке. Занимайся лошадьми, а я, — дыхание вдруг прервалось, — посмотрю, что с Райли.

Кучер говоряще отвёл глаза.

— Не надо вам это, леди Каннингем.

Однако я уже поднялась на ноги и, пошатываясь, подошла к слуге. На его одежде не было крови, но тёмные волосы на макушке слиплись сосульками: похоже, Райли получил сильный удар по голове.

«Может, он всё-таки просто без сознания?» — с надеждой подумала я и коснулась подрагивавшими пальцами чужой шеи.

Кожа была тёплой — уже обнадёживающий признак. А

когда я сумела-таки нащупать биение пульса, то от нахлынувшего облегчения у меня задрожали губы.

— Он жив!

— Правда? — Олли без промедления оказался рядом.

— Правда, правда. — Меня потряхивало, однако расслабляться ещё было ой как рано. — Помоги его перевернуть.

Но когда мы с кучером принялись бережно перекладывать Райли на спину, тот и сам пришёл в себя. Зашевелился, сдавленно охнул и приоткрыл глаза.

— Вы?.. — невнятно прохрипел он, с трудом сфокусировав на мне взгляд.

— Всё в порядке, — смаргивая идиотские слёзы, по-деловому ответила я. — Безликий нас отпустил, надо быстрее собираться и уезжать отсюда.

— Как отпустил?

Райли попытался приподняться на локте и вдруг переменился в лице. Шестым чувством поняв, что сейчас последует, я с неожиданной от себя сноровкой помогла ему повер-

нуться набок. И вовремя — Райли вырвало желчью.

— Всё? — Он был тяжёлым, но я крепко придерживала его за плечи. — Олли, дай воды!

Кучер торопливо подал фляжку, однако, когда я поднесла её к губам Райли, тот просипел:

— Я сам.

Трясущейся рукой перехватил у меня посуду и сделал несколько жадных глотков.

— Хватит, хватит. — Я аккуратно забрала у него фляжку. — А то опять стошнит.

И обратилась к кучеру:

— Олли, помоги его немного передвинуть.

— Я сам, — попытался воспротивиться Райли, но на этот раз никто к нему не прислушался.

Мы отодвинули его от лужицы рвоты, а затем я, вспомнив какой-то из инструктажей по технике безопасности, велела Олли принести из кареты подушку и плед. Подложила

их Райли под плечи так, чтобы голова оказалась приподнятой, и приказным тоном сказала:

— Теперь просто полежи. Никаких резких движений: после такого удара тебе нужен покой. Если что-то понадобится, зови. Хорошо?

Райли не ответил — то ли из упрямства, то ли слишком плохо себя чувствовал. А я неуклюже встала и на подрагивавших ногах поковыляла к груде высыпанных из саквояжа вещей.

Нужно было торопиться, пока Безликий (или кто-нибудь из его банды) не передумал нас отпускать.

Глава 18

Самый тяжёлый сундук мы бросили: даже с моей помощью у Олли не вышло бы затащить его на крышу кареты. Впрочем, каких-то суперценных вещей в нём не было, а без бальных платьев и разнообразных туалетных принадлежностей я вполне могла обойтись. Так что мы лишь отволокли его с дороги в заросли папоротника и как могли замаскировали. Я собиралась позже прислать за ним людей из Колдшира, но если бы к тому моменту сундук оказался разграблен, не сильно бы огорчилась.

И вот карета была готова, а перегораживавшее путь бревно оттащено в сторону. Кучер с виртуозной точностью подкатил экипаж к Райли, по-прежнему лежавшему на земле.

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно спросила я, присев рядом с Райли. — Сможешь встать?

Вместо ответа тот зашевелился, и Олли заботливо помог ему принять сидячее положение.

— Не спеши. — Я заглянула слуге в нездорово серое лицо. — Не тошнит? Голова не кружится?

— Нет, — хрипло отозвался Райли и зажмурился до паутинки морщинок от уголков глаз.

— Врать нехорошо, — наставительно заметила я. Поднялась и распахнула дверцу кареты. — Давай, Олли. Осторожно-осторожно. Я буду принимать внутри.

— Куда? — Райли открыл глаза. — Зачем?

— В карету, — хладнокровно сообщила я. — Ты же не собирался ехать на козлах в таком состоянии? Олли надо лошадьми править, а не следить, чтобы ты не свалился.

— Я сам справлюсь.

Упрямством Райли мог потягаться со стадом ослов. Однако, на его счастье, мы собирались причинить ему пользу, несмотря ни на что.

— Поднимайся, приятель. — Поддерживая больного за пояс, кучер аккуратно, но настойчиво потащил его вверх. — Тут два шага всего. Ну-ка, раз.

Они медленно встали на ноги, и я торопливо забралась в карету, где мы с Олли подготовили для пострадавшего полулежачее место. Из-за чего мне предстояло остаток пути си-

деть на скамеечке для ног, но после пережитого это были такие мелочи, что не стоили упоминания.

— Ну-ка, два.

Райли буквально на силе воли влез в карету и кулём свалился на сиденье.

— Ложись, ложись, — захлопотала я вокруг него. — Вот так. Подушку поправить? Ноги нормально помещаются? Воды дать?

— Всё в порядке.

И хотя ответил Райли откровенно сквозь зубы, я не обиделась, понимая его состояние.

— Всё хорошо? — Обеспокоенный Олли заглянул в карету.

— Вполне, — подтвердила я. — Едем отсюда как можно быстрее.

— Слушаюсь, госпожа!

Кучер захлопнул дверцу, и карета слегка качнулась, ко-

гда он запрыгнул на козлы. Щёлкнул кнут, раздалось звонкое «Н-но!», и экипаж тронулся с таким рывком, что я чуть не свалилась со скамеечки. Деревья за окном как будто нехотя поплыли назад, однако тревожное напряжение не отпускало. Мы всё ещё были в лесу, где безраздельно властвовали разбойники.

«Только бы выбраться без новых происшествий! — как мантру повторяла я, беспокойно вглядываясь в лесные пейзажи. — Только бы выбраться!»

И невольно вздрогнула, когда хрипловатый голос отвлёк меня от мысленной карусели.

— Почему Безликий вас отпустил?

Я повернула голову к Райли. Лучше он выглядеть не стал, но и хуже — тоже, а это можно было считать прогрессом.

— Представления не имею.

Повисшая пауза имела столь явный выжидательный оттенок, что пришлось продолжить:

— Он выяснил, что я леди Каннингем и что мне теперь принадлежит Колдшир. И отпустил.

Между широких бровей Райли залегла задумчивая морщинка.

— Странно.

Я пожала плечами, не видя смысла отвечать на явно риторическую реплику, и снова принялась напряжённо вглядываться в проплывавший за окном лес.

Однако пауза в разговоре была недолгой.

— Леди Каннингем.

— Да? — повернулась я.

Взгляд Райли был тёмен и абсолютно нечитаем.

— Вам удобно сидеть? Я могу подвинуться.

Мне было неудобно, и ноги уже порядком затекли, однако признавать я это не собиралась. Равно как и теснить больного.

— Всё в порядке. Отдыхай.

По моему тону не составило труда понять, что тема закрыта. Однако Райли ещё не всё сказал.

— Спасибо вам.

Банальная фраза, только по спине отчего-то спустилась волна мурашек.

— Не за что. — Как будто я могла действовать иначе.

— Я ваш должник.

Похоже, сотрясение было серьёзнее, чем мне думалось.

— Не говори глупостей. — Я наградила Райли откровенно раздражённым взглядом. — И хватит разговаривать, тебе нужен покой.

Слуга послушался, но, как мне показалось, остался при своём мнении.

***

После такого приключения судьба решила проявить благосклонность и выпустить нас из леса без лишних проволочек. За окном вновь поплыли холмистые просторы, и тугой узел, стягивавший внутренности в тревожный комок, немно-

го ослаб.

А карета катила то с горки, то в горку, пока, взобравшись на очередной гребень, внезапно не остановилась. Но не успела я тревожно встрепенуться, как до меня долетел весёлый голос Олли:

— Колдшир, госпожа!

И я, путаясь в юбке, с недостойной леди поспешностью выбралась из экипажа.

Мы стояли в седловине холмистой гряды, и дорога лентой вилась дальше, через плоскую пустошь к высокому холму, как короной увенчанному замком. Да-да, настоящим замком с четырьмя низенькими, островерхими башенками по краям и мощным донжоном в центре. Тонкие шпили пронзали чистую летнюю лазурь, потемневшие от времени и непогоды каменные стены казались неприступными. А позади них серебром мерцала беспокойная морская гладь, и мне вдруг показалось, будто ветер доносит тонкий запах соли, воды и водорослей.

— И я теперь здесь хозяйка?

Это было похоже на сон или сказку, где изгнание оберну-

лось царствованием.

— Так и есть, госпожа. — Сидевший на козлах Олли добродушно улыбался. — Я тута, правда, не бывал, но место хорошее, можете поверить. У меня нюх на такое.

— Ну-ну, — проворчали у меня за спиной, и, обернувшись, я обнаружила выглядывавшего из кареты Райли.

Очарование Колдшира сейчас же отступило на второй план.

— Что ещё за новости? — возмутилась я. — Немедленно ляг! Здоровым себя почувствовал?

Кучер сдавленно хихикнул, а Райли, что-то недовольно ворча под нос, скрылся в карете.

— Едем, — велела я Олли и ловко, даже без подножки, забралась в экипаж.

До конца многодневного путешествия оставалось совсем немного, и мне всеми фибрами души хотелось, чтобы оно закончилось как можно скорее.

Глава 19

Высокие замковые ворота были распахнуты, однако проезд сквозь толщу крепостной стены перегораживала решётка с толстыми прутьями.

— Открывай! — властно крикнул Олли дремавшему у подъёмного механизма мужичку. — Леди Каннингем приехала!

Мужичок подскочил с трёхногого табурета и, осоловело моргая, принялся крутить рукоять, наматывая толстый трос на деревянный вал. Решётка с душераздирающим скрипом поползла вверх, а я, морщась, сделала себе заметку в уме: отдать распоряжение смазать механизм.

Но вот путь был открыт, и экипаж въехал на неширокий двор, мощённый булыжниками. Из щелей между ними пробивались неопрятные пучки травы, да и в целом вблизи замок выглядел не сказочным, а откровенно неухоженным.

«Сквозняки, сырость и вечный полумрак, — с пророческим пессимизмом подумала я. — Словом, все прелести средневекового жилища».

— Тпр-ру!

Копыта лошадей в последний раз цокнули по камням, и карета остановилась.

«Ну, ещё чуточку осталось».

Подбодрив себя этой мыслью, я сунулась к двери, однако меня неожиданно опередил Райли.

— Сначала я. Леди Каннингем.

Не успела я набрать в лёгкие воздуха для сердитой тирады, как до сих пор не лучшим образом выглядевший слуга уже выбрался из экипажа. Скользнул цепким взглядом по торопившейся к нам прислуге во главе с низеньким, блондинистым толстяком и, откинув подножку, помог мне выйти.

— Упадёшь в обморок — сам виноват, — предупредила я, почти не разжимая губ. И, с далеко не метафорическим скрипом распрямив затёкшую спину, обратила всё внимание на встречающих.

— Доброго дня, благородная госпожа. — Приблизившийся толстяк отвесил низкий поклон — как мне показалось, не столько из уважения, сколько затем, чтобы скрыть бегающие

глазки. — Чем замок Колдшир обязан вашему визиту?

Брови поползли вверх: в смысле чем? Он что, не понял, кто я?

Но только я собралась выразить удивление вербально, как вперёд выступил Райли.

— Ты что несёшь? — нависнув над толстяком, угрожающе вопросил он. — Перед тобой леди Каннингем, хозяйка этого места. А ты спрашиваешь «чем обязан»?

«Ты почто боярыню обидел, смерд?» — пришла мне на ум ассоциация, и я подавила не самый уместный смешок.

— Леди Каннингем? — Толстяк очень старался выглядеть удивлённым, однако прятавшийся за этим страх считывался практически без усилий. — Простите, ваша светлость, я не знал… Сейчас для вас подготовят… Бренда! — Он обернулся к стоявшей позади женщине в чепце и чёрном вдовьем платье, которая смотрела на меня по-рыбьи немигающим взглядом. — Ноги в руки — и бегом готовить комнаты для леди Каннингем!

Женщина вздрогнула, словно проснувшись. Сделала неловкий книксен: «С вашего позволения» — и заторопи-

лась к крыльцу донжона. А вновь повернувшийся ко мне толстяк затараторил:

— Простите, ваша светлость, ни сном ни духом, а то б мы… Но как вы добрались?

Я слегка сузила глаза: чем дальше, тем меньше мне нравилась ситуация.

— Прекрасно добралась. Однако дорога стала бы ещё лучше, если бы в «Лазурной розе» нас ждал обещанный отряд из замка.

— Отряд? — Толстяк захлопал блёклыми ресницами. — Простите, я не понимаю…

— Вы не получали письма от лорда Каннингема? — сухо уточнила я, а Райли состроил ещё более угрожающую мину.

— Н-нет, ваша светлость. — На лбу у толстяка выступила испарина. — Я вообще не знал, что вы… что вам… Что Колдшир теперь принадлежит вам. И был бы чрезвычайно признателен, если бы вы показали письмо… документ…

Я почувствовала, как немеют желваки.

— С подобными просьбами обращайтесь к лорду Каннингему, а я вам ничего показывать или доказывать не обязана. — Каждое слово звучало ударом по крышке гроба собеседника. — Кстати, кто вы? Вы до сих пор не представились.

— Грир, ваша светлость, — торопливо ответил толстяк. — Доналд Грир, скромный управляющий имения Колдшир. К вашим услугам.

Управляющий, значит. И рыло у него наверняка не в пуху, а шерстью заросло. Иначе не нервничал бы так.

Мне стало ужасно тоскливо: ну почему хотя бы здесь всё не могло пройти гладко? Разве после истории с разбойниками я не заслужила безмятежного и комфортного отдыха среди доброжелательно настроенных людей?

Похоже, что нет. Однако сейчас у меня в любом случае не было сил разбираться с чужими грехами и общей обстановкой в Колдшире.

«Оставлю до вечера, — решила я. — Или вообще до завтра».

И безапелляционно распорядилась:

— Пусть для меня приготовят горячую ванну и подадут лёгкий ланч. Также проследите, чтобы мои люди получили достойную еду и отдых, а Райли пусть осмотрит врач.

Естественно, последнее не могло не вызвать реакцию.

— Благодарю, леди Каннингем, но… — начал упомянутый Райли.

В этот момент на стоявшего рядом с каретой Олли напал приступ кашля, а Грир, пользуясь возможностью, вставил:

— Прошу прощения, леди Каннингем, только за врачом нужно посылать в Норталлен.

Я нахмурилась.

— Но хотя бы какой-нибудь лекарь здесь имеется?

Управляющий развёл руками:

— К сожалению, нет, леди Каннингем.

Замечательно. Я на несколько секунд устало прикрыла глаза и постановила:

— Ясно. Тогда просто обеспечьте моим людям отдых, а с остальным я разберусь сама. А теперь… — Я мазнула взглядом по толпившимся в стороне любопытствующим слугам. — Пусть кто-нибудь проводит меня в мои комнаты.

В конце концов, Райли вполне бодр, а мне нужно хотя бы умыться, прежде чем взваливать на себя обязанности полевой санитарки.

Иначе врача всё-таки придётся вызывать, правда, уже для меня.

Глава 20

Должно быть, во время оно холл замка с его высоким сводом, узкими витражными окнами, рыцарскими доспехами в углах и щитами на стенах производил на гостей благоговейное впечатление. Но сейчас давно не мытые витражи были тусклыми, доспехи — ржавыми, бархатные драпировки истрепались, а щиты затянула паутина. Несмотря на лето, от камней шёл дух стылости; стоячий воздух пах подвалом.

«Привет, цистит, здравствуй, бронхит, давно не виделись, аллергия. — Я невольно передёрнула лопатками. — Нет, так дело не пойдёт. До осени надо привести замок в порядок, если я не хочу проблем со здоровьем».

— Прошу вас за мной, госпожа, — пролепетала болезненного вида служаночка, которой Грир поручил меня проводить. Она уже поднялась на несколько ступенек по широкой лестнице, покрытой изъеденным молью ковром.

Однако я замешкалась перед висевшим на стене гербом. На чёрном фоне зелёной и лазурной эмалью была изображена стилизованная роза, а на золотой ленте внизу был начертан девиз Thesaurus hic floret.

— Это герб прежних владельцев? — Я обернулась к служанке.

— Д-да. — Та отчего-то замялась. — Совсем прежних.

— Совсем? — Я вопросительно подняла брови.

— Н-ну, я не знаю точно, — промямлила девушка. И с видимым облегчением нашла выход: — Вам лучше у господина Грира спросить, госпожа.

— Непременно спрошу, — заверила я, мысленно прибавив: «И пусть он только попробует увильнуть от прямого ответа».

После такого холла я не ждала от хозяйских комнат ничего хорошего. Но хотя бы здесь судьба мне улыбнулась: небольшая гостиная, спальня и подобие будуара окнами выходили на юг и юго-запад, а потому в них было, во-первых, теплее, во-вторых, светлее, и в-третьих, суше. А ещё там кипела бурная деятельность: Бренда и три её помощницы топили камины, перестилали роскошную кровать, чистили бархатный балдахин над ней и тяжёлые портьеры, смахивали пыль, мыли стёкла распахнутых окон — словом, пытались в минуты впихнуть часы подготовки к приёму дорогой гостьи.

— Вы в самом деле не знали, что я приеду? — полюбопытствовала я, и Бренда замотала головой.

— Господин Грир ничего не говорил, леди Каннингем.

— А письма из столицы он получал?

— Да, три дня назад, — услужливо встряла в разговор одна из служанок, и Бренда бросила на неё неожиданно острый предупреждающий взгляд.

«Оп-па. — Я задумчиво сузила глаза. — А вот это уже интересно».

— Господин Грир получал какое-то письмо, госпожа, — тем временем пробовала исправить ситуацию Бренда. — Ему часто пишут.

— Понятно, — протянула я и великодушно перевела тему. — Раз комнаты не готовы, пусть мне принесут холодную воду для умывания и ланч. И пока остановите работу, я позову, когда сможете продолжить. Ступайте.

Служанки переглянулись и, по очереди сделав книксен, оставили меня одну. А я придвинула кресло к окну гостиной и устало опустилась на пыльный бархат подушек.

Сегодня, пожалуй, никаких расследований проводить не буду. Пусть для меня просто подготовят комнаты и разложат вещи. Искупаюсь, отдохну, может быть прогуляюсь по замку. А серьёзные дела оставлю на завтра, когда сил будет побольше и голова станет лучше соображать.

«Да, именно так. Только сначала проведаю Райли и скажу, чтобы в лес отправили отряд за моим сундуком. Олли их проводит, так что должны будут обернуться до темноты».

В дверь деликатно постучали, и я тяжело поднялась навстречу вошедшим служанкам. У одной в руках был кувшин для умывания, другая держала поднос, на котором стояли чайник, маленькая, похожая на цветок колокольчика чашечка, сахарница и тарелка с двумя сандвичами.

— Поставь сюда. — Я указала на изящный чайный столик. И когда девица уже собиралась выйти следом за товаркой, остановила её вопросом: — Как тебя зовут?

— Лили, госпожа, — присела та в реверансе.

— Прекрасно, Лили. — Я потёрла лоб, вспоминая свой план. — Узнай, где разместили прибывших со мной слуг, и когда я позову, будь готова проводить меня туда.

— Слушаюсь, госпожа. — Если служанку и удивило моё распоряжение, она сумела это скрыть.

Однако я ещё не закончила.

— Также мне понадобятся, — «перекись водорода, ватные диски, ватные палочки и зелёнка», — полотенце, тёплая вода и губка, чтобы промыть рану. Подготовь всё заранее.

Теперь Лили растерялась всерьёз, отчего её второе «Слушаюсь» прозвучало с запинкой.

— Пока меня не будет, с уборкой комнат должно быть покончено, а мои вещи перенесены сюда, — закончила я. И на всякий случай уточнила: — Всё понятно?

Получила утвердительный ответ и наконец отпустила служанку. А сама, усевшись за столик, в первую очередь налила себе чая и положила туда целых три ложки сахара, хотя сладкое не очень-то любила.

Если я хотела дожить до ванны и мягкой постели, мне нужен был хороший глюкозный допинг.

Глава 21

Сладкая чайная бурда, сандвичи и вдумчивое умывание холодной водой взбодрили меня для новых подвигов. Я даже кое-как переплела порядком растрепавшуюся причёску: не следовало хозяйке Колдшира ходить лохматой. Закончив приводить себя в порядок, вызвала Лили (как и было приказано, служанка принесла всё необходимое для обработки ран) и вместе с ней отправилась на половину прислуги.

Когда мы пересекали мрачный холл, навстречу нам удачно попался Грир. Удачно — с моей точки зрения; сам управляющий, наоборот, попытался технично увильнуть за неприметную дверь. Но вынужденно остановился, услышав повелительное:

— Господин Грир! Будьте добры подойти.

— Слушаю вас, леди Каннингем. — Как и во дворе замка, управляющий смотрел куда угодно, только не мне в лицо.

— В лесу остался один из моих сундуков, — без лишних расшаркиваний начала я. — Отправьте слуг забрать его до наступления темноты, мой кучер Олли покажет место.

Кто угодно, услышав подобное распоряжение, задал бы ожидаемый вопрос: а как случилось, что часть багажа леди Каннингем потерялась по дороге? Однако Грир ни о чём не спросил, ответив лишь:

— Как прикажете, ваша светлость.

«Интересно, он уже в курсе происшествия с разбойниками? — Я смерила управляющего острым взглядом. — Или просто хочет побыстрее смотаться от разговора?»

Но предъявить Гриру было нечего и потому оставалось лишь отпустить его королевским: «Можете идти».

***

Несколько полутёмных, сырых коридоров, подъём и спуск по затёртым ступеням узких лестниц — и Лили привела меня к низкой двери, за которой располагалась комната, выделенная для Олли и Райли. Я вежливо стукнула по тёмному от времени дереву и, как мне показалось, расслышав с той стороны невнятный ответ, потянула за позеленевшее от влаги бронзовое кольцо.

И вошла в комнату аккурат в тот момент, когда сидевший на кровати полуобнажённый Райли вдумчиво ощупывал расцвеченные синяками рёбра. Впрочем, при виде меня он пружинисто вскочил на ноги и чуть не приложился многостра-

дальной макушкой о низкий потолок.

— Переломов нет? — светски осведомилась я и указала Лили на колченогий табурет в углу комнатушки. — Поставь поднос сюда и можешь быть свободна.

Непонятно отчего, но служанка, получив столь простое задание, замялась, да и по лицу Райли скользнуло растерянное выражение. Тем не менее первая всё-таки опустила поднос и со сбивчивым «С вашего разрешения» покинула комнатку. А второй лишь проводил её глазами, после чего устремил хмурый взгляд уже на меня.

— Я так и не услышала, — хладнокровно напомнила я. — Переломов нет?

— Нет, — буркнул Райли и, спохватившись, принялся натягивать рубашку.

— Прекрасно.

На меня вдруг напал бесёнок шалости, подговаривавший произнести: «Давай всё-таки я сама посмотрю на всякий случай». Однако я сдержалась: для молодой леди такое было откровенным перебором. Поэтому Райли всего лишь получил указание:

— Подвинься сюда, на свет. И повернись ко мне спиной.

— Зачем? — настороженно поинтересовался мой будущий «пациент». И, увидев, что я собираюсь передвигать табурет, быстро прибавил: — Не трогайте, я сам!

Сам так сам. Я повела плечами и отошла в сторону, позволив Райли перенести табурет с подносом к кровати. После чего с нажимом сказала:

— Садись. Надо посмотреть, что у тебя с раной на голове.

— Всё в порядке. — Райли не был бы собой, если бы согласился не прекословя.

Однако он всё же присел на край постели, застеленной тёмно-коричневым шерстяным одеялом.

Я предусмотрительно накрыла полотенцем его широкие плечи и, попросив:

— Чуть-чуть голову вниз, — начала осторожно отмачивать и стирать запёкшуюся кровь со всклокоченной тёмной макушки.

Конечно, с перекисью дело пошло бы гораздо быстрее, однако даже водой и губкой я сумела обмыть рану. По сути, большую ссадину — воспалённую, куда же без этого, но неглубокую.

— Голова больше не кружилась? Как самочувствие в целом?

— Всё в порядке.

Пользуясь тем, что меня не видят, я возвела очи горе. И почему мужчины так любят бросаться из крайности в крайность? Кто-то ревёт белугой, поймав занозу в палец, а кто-то с дыркой в голове мужественно делает вид, что всё хорошо.

— До завтрашнего дня соблюдай покой и постельный режим.

Я снова вздохнула про себя об отсутствии зелёнки и положила губку на поднос. Аккуратно промокнула полотенцем влажные волосы вокруг ссадины, окинула результаты своего «лечения» критическим взглядом и выдала ещё одну рекомендацию:

— Постарайся не трогать рану, хорошо?

— Угу. — Райли покосился в мою сторону. — Где вы этому научились?

Я хмыкнула: опять он забыл, что состоит на должности слуги. И многозначительно промолчала, про себя радуясь поводу не отвечать на прямой вопрос.

Не рассказывать же, что моей первой любовью был местный хулиган, стабильно приносивший раз в неделю если не разбитое лицо, то трещину в ребре, а позже — если не ножевое, то огнестрельное.

А с одной из «стрелок» вообще не вернувшийся.

— Олли рассказал, как вы вели себя с разбойниками.

Выдернутая из тяжёлых воспоминаний, я сверху вниз посмотрела на Райли.

— Очень мужественно. — Тёмный взгляд слуги был полностью серьёзен. — Не думал, что вы на такое способны.

Мне вспомнились нож для разрезания бумаги и закрывающий окровавленное лицо бородач, и полотенце выскользнуло из дрогнувших пальцев.

— Я тоже не думала. Просто защищалась как могла.

Подняла полотенце, отвернулась, сосредоточенно складывая его в компактный прямоугольник, и вдруг замерла, услышав за спиной будничное:

— Хотите, я разыщу этого Безликого и принесу вам его голову?

Ошарашенная, я обернулась к Райли — совершенно спокойному, будто предложил не убить для меня человека, а, скажем, сорвать с ветки яблоко.

— Благодарю. — Я невольно прочистила горло. — Однако, боюсь, отрезанная голова будет плохо смотреться в гостиной.

Райли пожал плечами.

— Как знаете.

И неизвестно чем бы закончился наш странный разговор, если бы не раздался стук в дверь.

— Войдите! — громко разрешила я, задним числом сообразив, что, вообще-то, это прерогатива хозяина комнаты.

Однако ни у Райли, ни у торопливо вошедшей Лили претензий на этот счёт не возникло.

— Леди Каннингем. — Служанка как будто была испугана. — В Колдшир приехал лорд Эйнсли и просит принять его.

Глава 22

Эйнсли? Это что ещё за тип с горы?

— Кто это?

Более благородный вариант вопроса прозвучал резко, как щелчок хлыста.

— Л-лорд Эйнсли из Оакшира. — Лили втянула голову в плечи. — Это за Чёрной речкой, ежели по Северному тракту ехать.

Очень понятно.

— Он сказал, что ему нужно?

Служанка замотала головой.

— Ладно. — Я расправила складки на юбке и выпрямила спину, настраиваясь на роль светской леди. — Проводи меня к нему.

И как по сигналу Райли поднялся с кровати, накидывая дорожную куртку.

— Куда это ты? — нахмурилась я, впрочем предвидя ответ.

— Сопровождать вас. — Райли полностью оправдал мою догадку. И, поймав удивлённый взгляд Лили, постарался исправить явно нарушение субординации: — Если позволите, леди Каннингем.

«Не позволю», — из принципа хотела отрубить я. Но почти сразу на ум пришло малодушное соображение, что разговаривать с незнакомым лордом, с бухты-барахты явившимся в гости, лучше, когда у тебя за спиной стоит группа поддержки с выражением лица: «Не влезай: убьёт». Так что я смерила Райли оценивающим взглядом и скрепя сердце кивнула:

— Хорошо.

Посмотрела на растерянную Лили:

— Веди.

И служанка, подхватив юбку, торопливо выскользнула из комнаты.

***

Лорд Эйнсли ожидал меня в малой гостиной (так назвала её Лили). Оформленную в тёплых коричнево-жёлтых тонах комнату можно было назвать уютной, но всё портили стоячий воздух и вездесущий дух сырости. Сам лорд — молодой человек лет двадцати пяти с гривой чёрных волос и аристократично бледным, по-мужски красивым лицом — в раздражённом ожидании мерил шагами кофейного цвета ковёр, нетерпеливо постукивая хлыстиком по блестящему голенищу сапога. Услышав шум открывшейся двери, он стремительно повернулся, и я невольно вздрогнула под показавшимся знакомым тёмно-синим взглядом.

Эйнсли же отвесил мне положенный этикетом поклон и сухо уточнил:

— Леди Каннингем? Доброго вечера.

— Доброго, — отозвалась я, не спеша с предложением гостю присесть. — Вы лорд Эйнсли?

— Именно так. Счастлив знакомству. — Взгляд визитёра упёрся в молчаливо стоявшего позади меня Райли. — Кхм. Леди Каннингем, вы уверены, что желаете продолжать разговор в присутствии прислуги?

— Полностью уверена, — с прохладцей подтвердила я. И,

переломив неясную настороженность в отношении Эйнсли, указала ему на одно из кресел у камина. — Прошу вас, лорд.

Мы заняли места напротив друг друга, и Райли изваянием встал возле моего правого подлокотника.

— Чем обязана вашим неожиданным визитом, лорд? — сразу перешла я к сути.

Эйнсли, задетый, что ему даже не предложили чая, в тон мне произнёс:

— Вижу, вы предпочитаете прямой разговор, леди Каннингем. Что же, скажу без обиняков: у меня к вам крайне выгодное предложение. Продайте мне Колдшир.

— Что? — В первую секунду я решила, будто ослышалась.

— Продайте мне Колдшир, — повторил Эйнсли. — Я заплачу любую сумму.

В подтверждение своих слов он вытащил из-за борта сюртука чековую книжку и вечное перо. Откинул тиснёную золотом обложку и замер, в ожидании глядя на меня.

— Вы в своём уме? — Да, это прозвучало невежливо, од-

нако мне хотелось высказаться куда резче. — Я не собираюсь ничего вам продавать.

— Леди Каннингем. — Нажим в голосе Эйнсли ощущался физически. — Имение убыточно. Если вы не избавитесь от него, вскоре оно в принципе уйдёт с молотка за долги, а вы станете банкротом. Надо ли вам это?

Он что, пытается меня запугать?

— Я впервые слышу об убыточности Колдшира. — О каждое из моих слов можно было порезаться. — И до тех пор, пока не выясню все обстоятельства, не собираюсь ничего предпринимать.

Эйнсли закатил глаза.

— Здесь нечего выяснять. Вызовите своего управляющего, задайте ему прямой вопрос и назовите сумму. Поверьте, я хочу помочь вам, как добрый сосед соседке.

У, какой «агрессивный маркетинг»! Значит, что-то наверняка нечисто.

— Извините, лорд Эйнсли. — Я поднялась из кресла, дав понять, что визит окончен. — Но я правда очень устала с до-

роги и сейчас неспособна решить даже, чего бы мне больше хотелось на ужин. Приезжайте… — Я неопределённо повела рукой. — Дня через три. Поговорим как добрые соседи — к тому времени я буду готова дать вам ответ.

У Эйнсли заходили желваки.

— У вас очень… осторожный подход к делам, леди Каннингем, — процедил он, поднимаясь. Натолкнулся взглядом на Райли и, проглотив следующую фразу, почти выплюнул: — Но раз вы хотите отложить столь очевидное решение, не буду спорить. Приеду в другой день.

Он изобразил поклон и со словами «Не трудитесь звать прислугу, я найду выход» широким шагом покинул гостиную.

А я, после того как закрылась дверь, почти рухнула обратно в кресло. Моя внутренняя батарейка села окончательно, а ведь по-хорошему надо было и впрямь вызвать Грира и потрясти его на тему финансов.

«Нет. — Я прикрыла глаза. — Не сегодня».

Сегодня мне бы просто добраться до апартаментов.

Рядом раздался шорох, и я вспомнила о Райли. Разлепив глаза, обернулась к нему:

— Можешь идти. И обязательно соблюдай мои рекомендации по лечению.

— Вам бы тоже не мешало к ним прислушаться, — с грубоватой проницательностью заметил Райли. — Давайте я провожу вас до ваших комнат.

— Не выдумывай, — поморщилась я. — И не забывай о своём положении слуги.

Райли слегка наклонил голову к плечу.

— Но вам ведь безразлично, как я себя веду.

— Ничего подобного, — возразила я, силой воли поднявшись из кресла. — Я бы предпочла, чтобы ты вёл себя как вся остальная прислуга.

Райли тихонько хмыкнул, что я, впрочем, предпочла пропустить мимо ушей. Степенно (потому что на ватных ногах) вышла из гостиной и, миновав недлинный коридор, оказалась в холле.

Чтобы пройти к себе, мне надо было подняться по лестнице, с которой (не иначе в честь моего приезда) убрали позорную ковровую дорожку. В неизменном сопровождении Райли я взошла по гладким мраморным ступеням до площадки, и вдруг снизу донёсся женский голос:

— Леди Каннингем! Пожалуйста, сюда!

«Интересно, сегодняшний день когда-нибудь закончится или нет?» — хмуро подумала я, разворачиваясь.

— Скорее, прошу вас!

Я заторопилась, и внезапно моя нога поехала с края ступеньки. Нелепый взмах руками в попытке ухватиться за воздух: перила были слишком далеко. Паническая мысль: «Не удержусь!»

И падение.

Глава 23

— Осторожней!

Я так и не встретилась с лестницей: стальная хватка за предплечье удержала меня на ногах. При этом мы с Райли оказались так близко друг к другу, что в другом случае это можно было бы счесть неприличным.

— С-спасибо.

Сердце бухало набатом от всплеска адреналина, по коже строем маршировали мурашки.

— Не за что. — Убедившись, что я крепко держусь на ногах, Райли разжал хватку. — Надеюсь, то, зачем вас позвали, стоило сломанной шеи.

Я посмотрела на лестницу и нервно сглотнула, когда воображение нарисовало моё переломанное тело на плитах холла. И подобрав юбку, чтобы не дай бог не запнуться о подол, аккуратно спустилась. Огляделась: кто меня звал? — однако никого не увидела.

— Эй! — Что за шуточки вообще? — Кто меня звал?

Мой недоумённый и возмущённый голос отразился от стен и вернулся гулом эха.

— Леди Каннингем? — Из неприметного коридора вынырнула Лили. — Вы что-то хотели?

— Да, — хмуро ответила я. — Кто и зачем меня позвал?

Служанка растерянно захлопала ресницами.

— Когда?

— Только что.

— Не знаю, госпожа. — Было непохоже, что она врёт. — Я никого не видела.

Замечательно.

От дикой усталости заломило виски: какая-то очередная хрень, которая требовала, чтобы с ней разобрались, но на которую совершенно не было сил.

Впрочем, Лили мне с этим вряд ли бы помогла. И только я собралась отпустить служанку, как сообразила, что надо

уточнить несколько моментов.

— Лорд Эйнсли ведь уехал, не знаешь?

— Кажется, уехал, госпожа, — с сомнением отозвалась Лили.

Хм.

— Выясни и доложи. А ванна для меня готова?

— Слушаюсь, госпожа. Давно, госпожа.

Ну хоть что-то хорошее!

— Прекрасно. Можешь идти.

Сделав непременный реверанс, Лили быстрым шагом покинула холл. А я повернулась к лестнице и с удивлением обнаружила Райли, едва ли не обнюхивавшего её верхние ступени.

— Что там?

Заинтригованная, я шустро поднялась к нему и замерла, услышав резкое:

— Стойте! Здесь скользко.

— Скользко?

— Такое ощущение… — Райли провёл пальцами по мрамору и поднёс руку к носу. — Что кто-то натёр ступени воском.

Что за новый способ ухода за полом? Камень — это ведь не парке…

Так, стоп. Он что, считает, что я не просто так чуть не навернулась с лестницы?

— Думаешь, я не случайно поскользнулась?

Хорошо всё-таки, когда есть фильтр, без участия сознания переделывающий произносимые фразы в приличествующие для леди. Представляю, как отреагировал бы Райли, услышав какое-нибудь из словечек моего лексикона.

А так он просто поднялся на ноги и буркнул:

— Разберёмся.

Детали пазла в голове с щелчком сложились в единую картину, а не подозревавший об этом Райли окинул меня взглядом с головы до ног и постановил:

— Идите отдыхать и не забудьте на ночь запереть дверь. Леди Каннингем.

«А ещё проверить, не прячется ли в шкафу убийца, и положить под подушку нож для бумаги», — съязвила я. Правда, слишком натужно, чтобы это звучало со скепсисом.

— Благодарю за рекомендации. — Из-за натянутых нервов голос был суше, чем воздух в Сахаре. — Ты тоже не переусердствуй с расследованием: служба службой, но и отдыхать когда-то надо.

Фраза попала в яблочко: такого растерянного Райли я ещё не видела. И пока он придумывал ответ, я, крепко держась за перила, поднялась до конца лестницы и горделивым лебедем поплыла в свои апартаменты.

***

«Ну каков Бэрридон, а? Отправить вместе со мной полицейского под личиной слуги!»

Набрав в грудь воздуха, я с головой погрузилась в приятно горячую воду.

«Нет, это не плохо, конечно. Но могли бы и предупредить».

Я вынырнула и удобно устроила голову на бортике роскошной бронзовой ванны. Незряче уставилась на цветочный узор мозаики, которой был выложен потолок в купальне. Теперь всё встало на свои места: и военная выправка Райли, и то, с каким трудом ему давалась услужливость, и пистолеты, и знание воровских схем беспризорников.

«Сам он таким был — да-да, конечно. Пусть рассказывает».

Я толкнула воду ладонью, и по поверхности побежала рябь.

«Только зачем вся эта конспирация? — Новая волна плеснула о стенку ванны. — И, раз уж на то пошло, зачем в принципе отправлять со мной полицейского?»

Надо было заканчивать с купанием, вызывать Райли и устраивать ему допрос с пристрастием. Или не Райли, а Олли — кучер наверняка обо всём знал.

А ещё надо было вызвать Грира и потребовать доклад о

состоянии дел в имении, желательно с цифрами из бухгалтерских книг.

И где-то между всем этим поужинать и выспаться: день сегодня получился откровенно безумным.

«На фиг всё. Даже если кому-то вздумается прийти меня убивать — главное, пусть не будит».

Я широко зевнула и с шумным плеском выбралась из ванны. Вытерлась пушистым полотенцем, влезла в ночную сорочку и, закутавшись в шаль, вызвала горничных.

Пока слуги приводили купальню в порядок, я ужинала, вполуха слушая доклад обязательной Лили, что лорд Эйнсли уехал сразу же, как вышел из гостиной.

«Ну и отлично. — Я подавила зевок. — Что там ещё надо было спросить? Ах да!»

— Лили, а почему убрали ковёр с лестницы?

— Почистить, госпожа, — без запинки ответила служанка. — Бренда сказала, очень уж он пыльный, и велела срочно скатать и отнести на двор.

— А ступеньки вы не мыли?

Служанка покаянно опустила голову.

— Нет, госпожа. Не успели. Бренда позвала ваш сундук разбирать. Ну, тот, что

отдельно привезли.

Опять Бренда. Но голос, который звал меня из холла, принадлежал не ей.

Я устало потёрла межбровье и отпустила служанку:

— Ничего страшного. Можешь идти.

Лили вышла из гостиной, а я вернулась к тарелке с жарким. Завтра, на свежую голову, нужно обязательно обдумать всю эту историю с ковром, ступенями и позвавшим меня женским голосом.

Или даже обсудить с Райли — пусть использует свои профессиональные навыки не только в качестве телохранителя.

На этой мысли меня в очередной раз одолела зевота, и я, поняв, что ещё немного — и усну лицом в тарелку, выбра-

лась из-за стола и потащила себя в спальню.

И вот я наконец-то забралась в благословенную кровать. Хрустящее бельё вкусно пахло свежестью, взбитая перина была похожа на мягкое облако, а пуховое одеяло окутывало тёплой тяжестью. Я со счастливой улыбкой сомкнула веки и, уже засыпая, вспомнила, что не заперла дверь.

«На фиг».

И меня поглотила блаженная темнота сна без сновидений.

Глава 24

Утро началось не с кофе.

— Леди Каннингем!

М-м-м.

— Леди Каннингем, пожалуйста, проснитесь!

М-м-м?

— Пожалуйста, там такое… Такое!.. Господин Грир пропал! А в его комнате и кабинете всё вверх дном!

Что?

Я разлепила глаза и сфокусировала взгляд на будившей меня служанке.

— Что ты сказала?

— Господин Грир пропал, — послушно повторила та. — И у него в комнатах всё перевёрнуто.

Ох ты ж, не было печали!

Я села на постели и ожесточённо потёрла заспанное лицо. А затем резко распорядилась:

— Воду для умывания и платье, любое. Да поживей!

Служанка торопливо выскочила из комнаты, а я спустила ноги с кровати и не глядя сунула их в домашние туфли.

Просто феерическое начало дня.

***

— Что здесь произошло?

Разумеется, Райли уже был возле комнат пропавшего Грира — цербером стоял на входе, охраняя их от толпившихся в коридоре слуг. И разумеется, после вчерашнего я спросила у него так, словно он обязан был знать ответ.

— Пока неизвестно. — Несмотря на мой напористый тон, Райли остался непробиваемо спокоен. — Без вас комнаты никто не осматривал.

Я наградила его недоверчивым взглядом: правда, что ли? И на всякий случай уточнила:

— Но управляющий точно исчез?

Потому что начинать утро ещё и с трупа мне хотелось меньше всего.

Райли пожал широкими плечами.

— Так сказала Бренда. На рассвете она, как обычно, принесла господину Гриру воду для умывания и обнаружила, что тот пропал.

— Бренда? — Я обернулась к стоявшей среди зевак женщине, и та поспешила кивнуть.

— Именно так, леди Каннингем. Я постучала, как водится, ток ответа не было. Ну, я и вошла. А там!.. — Она, нагоняя жути, сделала большие глаза. — Все вещи раскиданы, а самого господина Грира-то и нет.

Хм.

— Мне ещё сказали, что в кабинете тоже беспорядок.

— Так и есть, — подтвердил Райли. — Когда Бренда подняла шум, я заглянул туда, м-м, на всякий случай. Но обнаружил лишь разбросанные бумаги.

На всякий, значит, случай. А комнаты, значит, никто без меня не осматривал.

Спрятав усмешку, я задала следующий вопрос:

— За полицейскими из Норталлена уже послали?

Пускай я ещё мало разбиралась в здешних порядках, но вызвать полицию казалось более чем естественным.

Однако, как выяснилось, только мне. Потому что среди внимательно слушавших разговор слуг побежал недоумённый шепоток, а Райли с лёгким замешательством ответил:

— Пока нет. От вас же не было распоряжения.

И давно ему нужно моё распоряжение, чтобы действовать? Впрочем, ладно. Раз не было, то сейчас будет.

— В таком случае проследите, чтобы кто-нибудь немедленно отправился за полицией.

Райли замялся. Ему явно не хотелось оставлять меня наедине с местом возможного преступления, но личина слуги не подразумевала возражений. И с неохотным «Слушаюсь,

леди Каннингем» он широким шагом двинулся прочь по коридору.

— И вы идите работайте, — жёстко велела я зевакам. — Ни в кабинет, ни в спальню никому не входить. — И вовремя вспомнила: — У кого ключи от этих комнат?

— У господина Грира… были. — Последнее слово далось Бренде с трудом. — И запасная связка тоже.

— Ясно. А теперь… — Я властно махнула рукой. — Ступайте. Все.

Слуги без желания потянулись к лестнице. Я дождалась, пока последняя, Бренда, исчезнет из виду, и лишь тогда подошла к двери в кабинет Грира.

Если все ключи у него, начинать следует отсюда.

— Райли сказал, что трупа там нет, — пробормотала я, подбадривая себя.

Потянулась к ручке, однако вовремя вспомнила про отпечатки пальцев и взялась за неё через ткань юбки.

Раз, два, три! Щёлкнул язычок замка, и я не без замира-

ния сердца вошла в дверь.

Глава 25

В комнате и впрямь царил бардак. Ящики письменного стола были вытащены, их содержимое — высыпано на пол. Амбарные книги скинуты с полок, столешница залита чернилами из опрокинутой чернильницы. И всё это присыпано разбросанными листами бумаги, словно кто-то подбросил пачку вверх, чтобы потом стоять посреди бумажного «снегопада».

Впрочем, для последнего имелось ещё одно, более правдоподобное объяснение. Окно в кабинет было открыто, и сквозняк лениво шевелил последний, чудом удержавшийся на столе листок.

— Ну, хотя бы пятен крови нет, — пробормотала я, озираясь.

Приподняла подол и на цыпочках, выбирая, куда ступить, двинулась через кабинет. Мне во что бы то ни стало надо было найти ключи, и как же я жалела, что не подумала об этом ещё вчера. Потребовала бы их у Грира, как хозяйка Колдшира, и сейчас одной проблемой было бы меньше.

— Ага!

Я наконец заметила выглядывавший из-под кучи хлама ободок кольца. Присела и аккуратно вытащила связку разнокалиберных ключей. Судя по тусклому металлу, ими давно (или вообще) не пользовались.

— Запасная связка.

Я пристегнула кольцо к поясу и сразу почувствовала, как мой хозяйский статус сделался весомее. Теперь можно было запирать кабинет до приезда полиции и идти на осмотр спальни управляющего.

Но только я собралась так сделать, как порыв ворвавшегося в окно ветра подбросил к моим ногам вскрытый конверт. «Колдшир, Доналду Гриру» — гласила крупная витиеватая надпись на нём. А ниже, немного мельче было сказано: «Лондониум, Каннингем-холл, от его светлости высокородного лорда А. Каннингема».

— Значит, письмо всё-таки было, — пробормотала я.

Подняла конверт, вытащила из него сложенный втрое лист и, развернув, прочла: «Сим сообщаю, что моя супруга и ныне законная владелица имения Колдшир, леди Мэриан Каннингем, должна прибыть в Норталлен ко дню Маковки

лета. Приказываю встретить её с большим отрядом в гостинице «Лазурная роза» и со всеми почестями сопроводить в имение».

— Однако ж не встретили и не сопроводили, — резюмировала я.

Посмотрела на дату внизу послания: тот день, когда были подписаны документы на Колдшир. То есть Каннингем все свои обязательства выполнил, а вот Грир…

— Неудивительно, что он так потел.

Криво усмехнувшись, я бросила письмо поверх остальных вещей и едва не подпрыгнула, услышав за спиной:

— Ваше указание выполнено.

Обернулась, встретила ничего не выражающий взгляд Райли и, машинально прочистив горло, сказала:

— Прекрасно. Тогда запираю кабинет, и ждём полицию.

Райли равнодушно повёл плечами и вышел в коридор. Я, напоследок окинув кабинет взглядом, последовала его примеру, закрыла дверь и поняла, что есть одна небольшая про-

блема.

Я понятия не имела, каким ключом её запирать.

«Придётся действовать методом перебора». — Что выглядело не особенно по-хозяйски, но куда деваться? И я принялась последовательно перебирать связку.

Дело оказалось небыстрым, и всё это время Райли терпеливо ждал — а по ощущению, стоял над душой.

Но наконец кабинет был заперт, и я решительно подошла к двери в спальню Грира. Снова взялась за ручку через ткань юбки и успела поймать удивлённый взгляд Райли. Интересно, он не ожидал от меня таких познаний в криминалистике или здешний Гершель ещё не выдвинул гипотезу об отпечатках пальцев? Я мысленно пожала плечами — в принципе, без разницы, — и вошла в комнату.

Здесь тоже был беспорядок: шкаф нараспашку, ящики комода выдвинуты, часть вещей свалена на неразобранную кровать. Однако в этом бардаке чувствовалось отличие от бардака кабинета, и я, обойдя комнату и заглянув в пустоту комода, высказала предположение:

— Такое чувство, будто Грир куда-то спешно уезжал.

— Согласен, — откликнулся Райли, до того стоявший у двери каменным истуканом. — Конюх как раз говорит, что в конюшне не хватает одной лошади, а привратника перед рассветом разбудил шум поднимавшей решётку цепи.

У меня дёрнулась щека. Выходит, вся суета с вызовом полиции — зря?

— И когда ты догадался, что это побег, а не преступление? — вкрадчиво уточнила я.

— Когда заглянул в спальню, — и не подумал юлить Райли. — Но мне нужны были более веские основания для такого заявления.

Угу, сразу оснований не оказалось у него, а чувствовать себя дурой и паникёршей перед полицейским мне.

Я смерила Райли уничижительным взглядом, однако вместо рвавшейся с языка раздражённой отповеди холодно произнесла:

— Что же, теперь в любом случае будем ждать приезда полиции. Выходи, я запру дверь.

И отправлюсь завтракать, осматривать замок и разбираться, что за история с долгами, которые, по утверждению Эйнсли, висят на Колдшире.

Вагон дел, если разобраться. И очень хорошо, что к ним не прибавилось расследование таинственного исчезновения управляющего.

Глава 26

«И всё-таки почему он сбежал?»

Я распорядилась подать завтрак к себе в комнаты, справедливо считая, что затхлая атмосфера столовой не располагает к хорошему аппетиту.

«Только из-за того, что боялся, как бы ни вскрылась история с письмом?»

Отложив намазанную маслом круглую булочку, я устремила задумчивый взгляд в открытое окно: синее небо, лёгкие облачка, зелень пустошей. А дальше, до самого горизонта — беспокойный морской простор, по которому гуляли белые барашки. Ветер доносил до меня отдалённый шум прибоя; над шпилем южной башни кружила чайка.

«Эх, бросить бы всё, — вздохнула я. — И отправиться на море. Вода, наверное, холодная для купания, да и штормит. Но просто походить, подышать, пособирать ракушки».

В памяти всплыли разбомблённый кабинет и недовольное лицо Эйнсли, и я веско закончила: «А не вот это всё».

Невесело взяла булочку, откусила и, жуя, продолжила размышлять: а ведь в кабинете, в отличие от спальни, явно что-то искали. Кто? Что? Гриру же не было необходимости устраивать обыск — он и так должен знать, где и что у него лежит.

«Странно всё это. Может, обсудить с Райли? Да о моём вчерашнем недопадении надо поговорить. Думается мне, здесь тоже Грир постарался. А когда фокус не удался, решил вообще сбежать».

Или оставить расследование полиции, раз уж вызвали? Угрожать мне теперь, вроде как, ничего не должно, а для собственного интереса копаться во всём этом… Что я, мисс Марпл или Настя Каменская? Или у меня других забот мало?

«Много», — решила я и принялась активнее жевать булочку. До приезда полицейских надо было успеть вникнуть в дела имения, чтобы не чувствовать себя идиоткой, которая не в курсе известного каждой собаке на три мили вокруг.

Как это случилось в разговоре с Эйнсли.

***

— Лили. — Поразмыслив, кого бы обязать быть своим провожатым, я остановилась на ней. — Я хочу, чтобы ты прошлась вместе со мной по замку и показала, что здесь и как.

— Ох, госпожа! — служанка не на шутку растерялась. — Да я разве разбираюсь в чём-то? Вы лучше Бренде прикажите, госпожа.

Предложение было разумным, однако после истории с ковром моя первоначальная антипатия к вдове с рыбьим взглядом только усилилась. И пускай её сговор с Гриром был исключительно моим домыслом, держаться от Бренды я собиралась на расстоянии.

Так что Лили получила заверение:

— Твоих знаний о замке мне будет вполне достаточно. — И, поправив связку ключей у пояса, я властно продолжила: — Идём, для начала проведёшь меня по всем этажам донжона.

И служанке ничего не оставалось, кроме как выйти со мной из комнаты.

***

Ваше былое величие — вот как хотелось назвать замок Колдшир. Запертые залы, окна в которых закрывали тяжёлые ставни, а углы и потолок густо затягивала паутина. Полутёмные коридоры, гулкие и зябкие. Ржавые замки. Скрипящие петли. После них выбраться на смотровую площадку,

под тёплое солнце и высокое небо стало настоящим праздником.

— Тут ещё чердак, госпожа. — Лили освоилась с ролью экскурсовода и теперь рассказывала гораздо свободнее. — Господин Грир собирался перекрыть там крышу до осени, чтоб не текло. Да покуда не собрался.

— Ясно. — Я с удовольствием вдыхала свежий, вкусный после затхлости коридоров воздух. — А теперь, когда он исчез, кто главный над прислугой?

Лили задумалась.

— Наверное, Бренда, госпожа, — наконец неуверенно сказала она. — Ей господин Грир всегда поручал дела, ежели уезжал куда.

Так.

— А после Бренды?

— Н-ну. — Служанка наморщила лоб. — На кухне — тётушка Ро, то есть Рона. На конюшне — конюх Барк. На воротах сидят Том и Стини, по очереди. Ежели что починить надо, просим Хендри. За садом смотрит старый Оливер.

— Здесь есть сад? — встрепенулась я.

— Да, госпожа. — Лили подошла к противоположному краю площадки и махнула рукой. — Вон он.

Я приблизилась к ней и, опёршись на высокий парапет, посмотрела вниз.

Замок имел форму квадрата с донжоном в центре. От донжона к угловым башням отходили лучи каменных галерей, расчерчивая двор замка на четыре сектора. И вот самый северный из них и занимал сад: не больше дюжины деревьев, живые изгороди из кустарников, несколько клумб.

— Самое тёмное место выбрали, — недовольно пробормотала я. И, возвращаясь к прежней теме, уточнила у Лили: — Получается, о делах замка в целом мне может рассказать только Бренда? Раз уж Грира нет.

— Да, госпожа, — подтвердила служанка. — Я ведь говорила, вам лучше с ней походить.

— Успеется, — отмахнулась я и отодвинулась от парапета. — Идём дальше — на кухню.

С Брендой мы непременно пообщаемся: куда деваться? Но чем больше я буду знать от других обитателей замка, тем полезнее станет этот не самый приятный разговор.

Глава 27

Я познакомилась с кухаркой Роной — необъятной, постоянно что-то жующей женщиной. Характер у неё был добродушный и хлебосольный: не успели мы обменяться и парой фраз, как я обнаружила себя — сидящей за столом, а перед собой — чашку чая и тарелочку с нежнейшими тарталетками. И хотя завтрак был недавно, не съесть такую вкусноту я просто не могла.

— Вы, это, госпожа, не подумайте чего. — Кухарка явно чувствовала себя неловко. — Ток господин Грир-то исчез, а дровишек так и не подвезли.

— Каких дровишек? — не поняла я.

— Да обычных. — Рона махнула рукой на поленницу в углу кухни. — Господин Грир обещался дровосеков в Данли нанять, чтоб они, значится, запас сделали. Седмицу назад обещался, а дров-то нема.

— Ясно. — Я понятия не имела, где этот Данли и как нанимают дровосеков, но в один непрекрасный момент остаться без горячей еды и тёплой воды не хотелось. — Прослежу, чтобы дрова привезли в ближайшее время.

На лице кухарки отразилось неподдельное облегчение.

— Благодарствуйте, госпожа! А то я уж берегу дровишки, берегу, да всё на господина Грира надеюсь.

«И, похоже, зря, — подумала я, тепло улыбнувшись Роне. — Нехороший звоночек, кстати».

Конечно, два невыполненных обязательства могли быть совпадением, однако…

«Узнаем, что о господине Грире говорят на конюшне».

***

Конюх Барк оказался невысоким, но осанистым дедком с коротко постриженной, белоснежной бородой и волосами «соль с перцем». В конюшне у него царил идеальный порядок, а единственный запах, который там чувствовался, — запах свежих опилок.

— Когда ты заметил, что одной лошади не хватает? — поинтересовалась я.

— Так с ранья, госпожа, — отозвался конюх, скармливая одной из привезших меня лошадок дольку яблока. — Я как на рассвете просыпаюсь, так сразу иду животинок проведать.

А тута мне ещё сон дурной снился, будто Каурка из стойла вдруг выскочила да умчалась, ток хвост мелькнул. И вы представьте, спускаюсь я, бегом к ней — а её-то и нет. Вещий сон, получается.

— Получается, — не стала спорить я. — А почему сразу мне не доложил?

Барк хлопнул глазами:

— Так я ж это, госпожа, Бренде передал. Сам-то я к вашей светлости не вхож.

Бренде, значит. Ладно, как там Райли говорил? Разберёмся.

— В следующий раз с любыми вопросами, нуждами и новостями немедленно ко мне, — распорядилась я. — Хоть днём, хоть ночью.

— Слушаюсь! — Конюх даже во фрунт вытянулся. — И коли так, госпожа, разрешите сразу сказать.

— Разрешаю, — кивнула я.

— Господин Грир обещался сорок бушелей овса купить

— животинкам на прокорм. Да так и не купил. Сейчас-то лето, я их на выпасе держу, а к зиме обязательно надоть.

Третий раз. Совпадение стало закономерностью.

— Хорошо, я об этом позабочусь, — пообещала я, про себя с усмешкой загадывая: интересно, сколько ещё раз за сегодня мне придётся произнести эти слова?

«Не удивительно, что Грир решил смыться: у него здесь косяк на косяке и косяком погоняет. Вопрос только, как он проскочил мимо привратников — решётка ведь скрипит просто адски. Впрочем, сейчас узнаю».

И распрощавшись с Барком, я в сопровождении Лили двинулась в сторону крепостных ворот.

***

— Р-рад приветствовать, гсжа!

Сегодня дежурил Стини — косая сажень в плечах, тёмный ёжик волос, громкий голос, привычка глотать слоги и рычать первую «р».

А ещё запах перегара — не стойкий, но при желании вполне ощутимый.

— Доброе утро. — Я вежливо наклонила голову. — Как прошло ночное дежурство?

Привратник моментально потупился, будто школьник перед учительницей.

— Вы эт, гсжа, ток не браните. Мы с Томом за ваш приезд выпили, чтоб, эт, всё у вас как по маслицу было.

Я неслышно вздохнула: ну да, ну да, опять нет повода не выпить. И похоже, Колдширу нужны новые привратники, пока в одну тёмную ночь из замка не вынесли всё, что можно и нельзя.

Тем временем Стини продолжал оправдательную речь: не иначе, всё утро вдвоём сочиняли.

— Вы поймите, гсжа, эт сам гсдин Грир нас угостил. Так и сказал, кады пришёл: «Вот вам, парни, кувшинчик. Выпейте за гсжу Мэриан, чтоб на удачу ей». Р-разве можно такого ослушаться?

Понятное дело, нельзя. Тем более если слаб перед спиртным.

— А когда Грир вам принёс этот кувшинчик?

— Дак после ужина. — Судя по всему, привратника воодушевило, что я не стала сразу его ругать. — Мы все дела закончили, решётку опустили, а тута и гсдин Грир нарисовался.

То есть уже после лестницы. Что же, пока все кусочки пазла ложились на свои места.

— А эль крепкий, зараза, оказался. — Непонятно, относился к этому привратник с сожалением или с удовольствием. — С первой кружки по башке дал. Вот мы и…

— Стини.

— Да, гсжа?

Я понимала, что это бесполезно, но не попытаться не могла.

— С сегодняшнего дня тебе и Тому запрещено пить спиртное обоим сразу.

— Чего? — Стини растерянно моргнул.

— Один из вас всегда должен быть трезв. — Я не сводила

с него жёсткого взгляда. — И способен понять, что происходит, когда ночью кто-то поднимает решётку.

И добила привратника фразой мультяшного Добрыни Никитича:

— Я понятно объяснила?

— Понятно, — вздохнул Стини, повесив голову. — Как прикажете, гсжа.

Я кивнула, собралась было отдать последнее распоряжение насчёт скрипучей цепи, однако передумала.

Может, это и не придавало Колдширу фешенебельности, но в качестве «дверного звонка» служило отлично. Так что пусть пока скрипит: вдруг ещё пригодится?

Глава 28

Я отпустила Лили перед садом: у неё были свои обязанности, а для прогулки по вымощенным диким камнем дорожкам компания не требовалась. Так что служанка вернулась в замок, а я неторопливо побрела мимо старых, раскидистых черешен и яблонь, мимо тисов и падубов, мимо кустов вроде бы роз или шиповника, но без единого бутона на ветках. Мимо приподнятых клумб с лавандой, фиалками, календулой, колокольчиками, наперстянкой, ещё какими-то цветами, названий которых я не знала. И снова в голове крутилась фраза про былое величие: да, за садом ухаживали, но было видно, что сил на всё не хватало. И потому из клумб кое-где торчали сорняки, кусты давно просились под стрижку, а многие деревья — под обрезку.

— Надо будет вами заняться, — пробормотала я, ласково коснувшись блестящих листьев падуба.

Налетевший ветерок зашуршал листьями, словно деревце соглашалось со мной.

— Вот только разберусь немного с делами, хорошо? — пообещала я.

И резко развернулась, услышав за спиной шорох чужих шагов.

— Доброго утра, госпожа.

Подошедший ко мне старик был высок, как каланча, и худ, как щепка, отчего показалось, будто почтительный поклон переломил его пополам.

— Доброго.

Я улыбнулась, гадая, сколько ему могло быть лет. Семьдесят? Восемьдесят? Очень уж медлительной была его речь и осторожными — движения. А длинная, до середины груди, борода и заплетённые в косицу волосы белизной могли сравниться с кучевым облачком, зацепившимся за шпиль северной башни.

— Вы Оливер?

Обратиться к старику на «ты» у меня просто язык не повернулся.

— Да, госпожа. — Новый поклон. — Счастлив приветствовать вашу светлость в Колдшире. Желаете ли осмотреть сад?

И хотя я, в принципе, уже всё видела, отказать Оливеру не смогла.

И не пожалела. Старик оказался прекрасным рассказчиком — может, ещё потому, что мне была близка тема садоводства. Речь Оливера текла плавно и неспешно: он рассказывал о цветах, деревьях, кустах, как иные люди не говорят о своих родных. Я узнала, что кустики ночных фиалок пришлось пересадить не один раз, пока удалось подобрать для них хорошее место. Что в старую яблоню когда-то попала молния, но Оливер выходил чудом уцелевшее деревце, и оно ещё много лет радовало всех вкусными плодами. Что оплетавший крепостную стену виноград три года назад поразила неизвестная болезнь, и пришлось долго биться, пока не получилось кое-как её победить.

— Вы пробовали бордоскую жидкость? — заинтересованно спросила я. — Отличное средство от всякой гадости.

На лице старика отразилось удивление.

— Бордоскую жидкость? Простите, госпожа, впервые слышу это название.

— Раствор медного купороса в известковом молоке, —

расшифровала я, однако, судя по виду Оливера, понятнее, о чём речь, ему не стало. — Хорошо, дайте мне несколько дней, и я покажу вам, как её готовят. Или даже, — ко мне пришла новая идея, — попробуем бургундскую жидкость. Она не так видна на листьях, а ещё ей хорошо обрабатывать розы перед укрытием на зиму.

— Как прикажете, госпожа. — В тоне Оливера звучало сомнение. — Хотя уж простите, но я впервые слышу такие названия. А лет мне уже девяносто восемь…

— Сколько? — ахнула я.

И старик не без тихой гордости повторил:

— Девяносто восемь, госпожа. Я начал служить в Колдшире помощником садовника ещё при старых хозяевах.

Мне вспомнились пыльный герб в холле и ответ замявшейся служанки: «Да, совсем прежних». И поддавшись наитию, я попросила:

— Оливер, расскажите мне о них. О них и о Колдшире.

Старик отозвался не сразу и, судя по глубокой складке между кустистых бровей, всерьёз раздумывал, выполнять ли

мою просьбу.

— Хорошо, госпожа, — после долгой паузы согласился он. — Но рассказ будет долгий, так что давайте присядем.

Мы подошли к скамье, стоявшей в оплетённом плющом уютном алькове, и опустились на вытертый мрамор сиденья. Оливер молчал, невидяще глядя на высокий шпиль донжона и почти терявшийся на фоне неба голубой с серебром вымпел. Я не торопила старика, хотя внутри изнывала от нетерпения, словно ребёнок в предчувствии увлекательной истории.

И наконец Оливер заговорил.

— Лет тридцать назад сюда приезжал некий господин Томс. Расспрашивал стариков, записывал песни и легенды. И вот он говорил, будто Колдшир построили ещё квириты-завоеватели, а прежде на этом месте была священная роща белых друидов. Так оно или нет, сказать не могу: меня в ту пору не было. А вот как старые хозяева потеряли Колдшир — на моих глазах случилось.

Пауза.

— Да будет вам известно, госпожа, что на этом месте ле-

жит особое благословение. И ежели владеющий замком дружит с душой Колдшира, то ни в чём не знает беды. Вот только мастер Родрик…

Я невольно вздрогнула от нелепой ассоциации с Безликим разбойником.

— …мастер Родрик эту дружбу потерял. Оно и отец его, и дед уже плохо душу замка чувствовали, но мастер Родрик… — Оливер покачал грустно головой. — Он перестал слышать её совсем. Шутка ли: вздумал снести крепостную стену с башнями, достроить донжон и сделать из Колдшира обычное имение. Денег под это занял, людей нагнал аж из Сандерленда — из местных на такое только самая рвань согласилась.

— И что? — вырвалось у меня.

— И начали они стену ломать. — Оливер указал на увитую виноградом северную стену. — Вот эту как раз.

Я посмотрела в ту сторону: никаких заметных повреждений.

— Получилось?

— Дыру хорошую пробили, — кивнул старик. — Хотя инструмент у них гнулся и тупился, а осколки камней не по одной бедовой голове прилетели. Однако ж день они кой-как поработали, а ночью… — Взгляд рассказчика потемнел от воспоминаний. — Ночью пришла жуть.

Глава 29

Жуть?

Я невольно затаила дыхание в ожидании продолжения.

— Я очень устал в тот день, — медленно начал Оливер. — Всё старался не допустить, чтобы, когда ломали стену, навредили саду. И ночевать остался здесь, под яблонями. Чудилось: уйти — всё равно что предать сад.

Пауза.

— И вот, я лежал в гамаке и всё не мог уснуть. В голове было пусто, на сердце — тоскливо. Пялился вон на те кусты. — Старик протянул руку, и мне бросились в глаза старческие пигментные пятна на желтоватой коже. — И вдруг заметил, как они засветились у корней.

Пауза.

— Первой моей мыслью было: кто-то из пришлых пробрался в сад и устроил поджог. Но огонь был необычный: бело-голубой, мерцающий. Он охватил кусты — словно сотни роз распустились одновременно. А потом вдруг стёк с веток

и волной двинулся к пролому в стене.

Пауза.

— Я хотел вскочить, закричать. Может, убежать. Только не мог шевельнуть и мизинцем. Даже зажмуриться не мог.

Пауза.

— Волна прошла совсем рядом. От неё дышало смертоносным холодом и жутью — я думал, у меня сердце остановится от страха. Даже сейчас, вспоминая…

Оливер зябко повёл плечами. Помолчал и через силу продолжил:

— Мне повезло, меня не тронули — должно быть, из-за сада. А вот других… Я слышал их крики, лёжа, словно бревно. И потом не одну ночь просыпался от кошмаров.

Пауза.

— Кого-то утром нашли мёртвым, а после хоронили в закрытом гробу — такой ужас отпечатался на лицах мертвецов. Кто-то лишился рассудка. Кто-то речи. Но ни один из рушивших стену не ушёл безнаказанно.

Старик вновь замолчал, и когда это молчание стало затягиваться, я осторожно спросила:

— А этот… Мастер Родрик? Что с ним было?

Худые пальцы Оливера сжали край скамьи.

— Его забрали, — глухо ответил старик, и у меня мороз пробежал по коже.

— Кто?

Старик дёрнул кадыком, будто смачивая пересохшее горло.

— Жуть. Я видел, как волна возвращалась. И видел мастера Родрика, объятого синим огнём. Его донесли до кустов, потом вспышка — и всё исчезло. А я наконец смог вывалиться из гамака и на четвереньках — ноги не держали — убежать в замок. До самого утра просидел под лестницей, трясся как осиновый лист: страшно было кому-то показаться.

— Почему?

Старик горько усмехнулся.

— Боялся: станут расспрашивать, что я видел. А я не сдержусь, да и ляпну что-нибудь. И потом жуть заберёт и меня тоже.

— И вы так никому ничего не рассказали?

Оливер покачал головой.

— Никто не задавал вопросов — не до того было. А когда полиция приехала искать мастера Родрика, я старался им лишний раз не попадаться на глаза.

Очарованность страшилкой в духе Стивена Кинга отступила перед проснувшимся критическим мышлением, и я нейтрально уточнила:

— Тогда почему сейчас со мной поделились?

Сухие губы старика тронула печальная улыбка.

— Не знаю, госпожа. Просто давно не видел, чтобы кто-то так искренне интересовался садом. А ещё вы задали вопрос, и я вдруг понял: пора. Хватит носить это в себе. К тому же вы теперь хозяйка Колдшира. Вам следует это знать.

Чтобы и в мыслях не иметь развалить здесь хотя бы камешек.

— А прошлому владельцу… — Я наморщила лоб, вспоминая. — Лорду Беккету вы о чём-нибудь рассказывали?

— Нет, госпожа, — честно ответил старик. — Ни лорду Беккету, ни лорду Леманну, ни лорду Эшли, который купил Колдшир с аукциона после исчезновения мастера Родрика. Да и не видел я этих лордов. Все они присылали в замок своих управляющих: сначала господина Манна, потом господина Грира. А управляющие эти… — Оливер безнадёжно махнул рукой. — Толку им что-то объяснять, ворью. Нехорошо так говорить, но я бы только обрадовался, напугай их жуть.

Так-так.

— Они так много воровали?

Оливер вновь поднял глаза к шпилю.

— Как любые чужаки. Не нравился им Колдшир, вот старались с него взять побольше, а отдать поменьше. Манн хотя бы стену залатал, но тут ему всем миром помогали. Боялись, что, если не сделать, жуть вернётся. А у Грира на всё были одни обещания, а ежели к стенке прижмёшь, то «денег

нету». Так что, госпожа Мэриан… — Он посмотрел на меня неожиданно острым взглядом. — Я рад, что впервые за двадцать лет у этого места появилась настоящая хозяйка.

Это прозвучало как большой аванс, и я поспешила снизить градус пафоса.

— По-моему, вы преувеличиваете. Я ведь только вчера приехала…

— Вы приехали, — твёрдо прервал меня Оливер. — А это уже многое.

Я не нашлась с ответом и не особенно ловко перевела разговор на другое:

— Так все эти события с… жутью происходили двадцать лет назад?

Старик медленно кивнул.

— Двадцать три, если быть точным.

— А как вышло, что Колдшир продавали на аукционе? Разве у мастера Родрика не осталось наследников?

Оливер раздумчиво пожевал губу.

— Родных у него не было, а супругой он так и не обзавёлся. Вроде бы ходили слухи, что ухаживал за девицей из Оакшира, только ничего там не срослось. И когда стало ясно, что долги спрашивать не с кого, Колдшир пустили с молотка.

А после перепродали. И ещё раз перепродали. И проиграли в карты. А в итоге вообще подарили ненужной жене, умолчав, насколько имение проблемное.

— Понятно.

Я собиралась подняться со скамейки, но вспомнила ещё один вопрос. Вряд ли старик мог на него ответить, однако вдруг у него получилось бы навести меня на какие-то догадки. И я начала:

— Может, вы слышали: вчера ко мне приезжал лорд Эйнсли. Так вот, он чрезвычайно настойчиво просил продать ему Колдшир. Как думаете почему?

Оливер нахмурился, всерьёз задумавшись над моими словами.

— Не могу знать, госпожа, — наконец отозвался он.

Однако не успела я ощутить разочарование, как старик продолжил:

— Тем не менее осмелюсь предположить: это из-за того, что молодой лорд слышал о сокрытом в замке сокровище.

Глава 30

Ещё и сокровище? А мне точно не вешают здесь лапшу на уши?

Я с крайним недоверием воззрилась на Оливера.

— Это старая легенда, госпожа, — пояснил тот с видом «за что купил, за то и продаю». — Кто дружен с душой Колдшира, тому она открывает подлинное сокровище.

— Сундук с золотом и драгоценными камнями? — Как я ни старалась, до конца прогнать из голоса насмешку не смогла.

Старик развёл руками:

— Об этом легенды не говорят.

— Ясно. — Я встала со скамьи. — Спасибо вам за интересный разговор. — В котором непонятно, чему верить, а чему нет. — И за прогулку по саду тоже.

— Всегда к вашим услугам, госпожа.

Поднявшийся Оливер низко поклонился, и у меня опять мелькнула мысль, что однажды его вот так заклинит. И эхом вторя ей, я попросила:

— Пожалуйста, давайте без поклонов. Я не обижусь, правда, а в вашем возрасте с такими вещами надо быть осторожнее.

Оливер не на шутку растерялся: если моё «выканье» он ещё мог принять, то такое нарушение субординации прозвучало для него дико.

Тем не менее он, пусть и с запинкой, ответил:

— Как прикажете, госпожа.

Я ободряюще улыбнулась и, распрощавшись,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.